

Пескорка

1945-1965

Мы — советские люди

(Текст к фотографиям читайте на 41—42 страницах)

(Продолжение на 3-й странице обложки)

№ 5

Май 1965 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

САПЁР

На трибуне,
как на пьедестале,
По-солдатски крепок
и плечист,
Говорил сапёр
в притихшем зале,
Вслух мечтал о мире
коммунист.
Он с отцом моим
немного сходен:
Из людей,
прошедших целый свет,
Что писали кровью:
«Путь свободен!»
И ещё писали:
«Мин здесь нет».
Он готов опять
пройти по свету,
Самый мирный на земле
солдат,
Чтобы разминировать
планету,
Чтоб свободе
не было преград.
Мне б подняться
в звёздные просторы,
Крикнуть,
проносясь в тревожной мгле:
— Будьте все немножечко
сапёры,
Сохраните счастье на земле!

Виталик АНТИПИН,
4-6 класс, 199-я школа

Линогравюра П. Вискова

ХОЗЯИН ТАНКА

(История одного поиска)

Как-то в середине ноября прошлого года Вера Михайловна Попова, сотрудник Архива Октябрьской революции, показала мне небольшой, размером с блокнотную страничку, фотоснимок.

— Взгляните...— сказала она. — Не правда ли, редкий случай?

Мальчишка лет шестнадцати, круглоглазый и светлобровый, глядел с фотографии, забавно сморщив в улыбке широкую переносицу. На голове — танкистский шлем. Воротничок гимнастёрки растёгнут. Справа на груди — орден Красной Звезды. Боевые медали. Но какие — сразу и не различишь...

— Не правда ли, любопытно?— повторила Вера Михайловна.

И я понял, что она имеет в виду. Да, время донесло до нас множество историй военных лет, когда обыкновенные мальчишки становились разведчиками в партизанских отрядах, ездовыми в арполках, юнгами во флотских экипажах. Но танкистами? Нет, такого мне ещё встречать не приходилось.

— Да, да, механик-водитель,— словно почувствовав мою мысль, кивнула головой Вера Михайловна. — И не где-нибудь, а на танке командира бригады.

Она, кажется, ещё спросила меня, верю ли я в удачу поиска. И я, кажется, ответил ей обычной в таких случаях фразой: «Как повезёт, Вера Михайловна!»

И действительно, на журналистское везение здесь приходилось рассчитывать не в последнюю очередь.

Что мне было известно? Во-первых, имя паренька — Михаил Егоров. Во-вторых, его воинская профессия — механик-водитель танка командира бригады. В-третьих, год, когда была сделана фотография, — 1943-й. По-вашему, много? А по-моему, мало, слишком мало.

И всё-таки попытаться начать поиски стоило. Что-то подсказывало мне: за старой фронтовой фотографией стоит история, вряд ли забытая её очевидцами.

Перво-наперво надо было опубликовать фотографию в газете. В какой? Лучшее всего в пионерской. По опыту я знал: самые энергичные помощники в поисках — это ребята, красные следопыты с их боевым девизом: «Искать и не сдаваться».

Снабжённая короткой подписью, фотография Миши Егорова была опубликована в одном из ноябрьских номеров «Ленинских искр». А спустя неделю пришло

маленькое, в три строчки, письмо. Ученица 4-в класса из школы-интерната, что в Старом Петергофе, сообщала следующее:

«Миша Егоров воевал на танке. О нём во время войны писали газеты. Вместе со своим другом он совершил подвиг. Фотографию его я уже видела раньше». И подпись: «Надя Егорова».

Пишу Наде письмо: «Объясни всё и как можно подробнее».

Ответ снова пришёл через неделю и такой же короткий, как и первое послание.

«Миша Егоров, — писала девочка, — мой дядя. Он погиб под Ленинградом. Портрет Миши я видела у его родителей. Они всё вам расскажут. Их адрес: станция Сиверская, Дружносельская улица, дом 21. Надя».

Значит, погиб. То, чего не хотелось бы услышать никогда, пришлось узнать вот так сразу, в начале поиска. Погиб... Значит... двадцать с лишним лет нет уже на земле человека, которого звали Миша Егоров и который, улыбаясь, чуть забавно и добродушно морщил переносицу. Нет человека... Но память?..

На Сиверскую я приехал мартовским утром. Солнечным. С первой каплей и синими тенями по обочине дороги.

Два пожилых человека сидели напротив меня за простым и тяжёлым крестьянским столом. Они были немногословны, даже чуть торжественны. И, может быть, не сразу находились те единственные, нужные мне слова.

— Он писал вам с фронта? — спросил я.

Василий Кузьмич, закашлялся: — Да как вам сказать?.. Мало писал. Жена моя здесь в оккупации оставалась. Ей не напишешь. А мне выслал на полевую почту вырезку. Там про него рассказывалось. «Вот так, — приписал он от себя, — и воюю, батя». А тоже мне воин! Школы кончить не успел.

Он встал. Тяжело ступая, прошёл по скрипучим половицам.

— Где-то спрятана та вырезка, — донеслось из глубины дома. — Да вот где?

— Справедливым парнем рос, — Екатерина Яковлевна сказала это вдруг, словно продолжая с кем-то давным-давно начатый спор. — За себя, случись драка между мальчишками, постоять мог. Это верно. Но справедливый... И не жаловался никогда.

А спустя два часа, провожая меня к калитке, та же Екатерина Яковлевна указала рукой на стоявшую у дома старую яблоню.

— Вот вы о памяти спрашивали. — Её глаза повлажнели, но лицо оставалось спокойным и даже чуть суровым. — О памяти... Миша нам перед войной здесь, у дома, двадцать яблонь посадил. Погибли они в сорок четвёртом, а одна осталась. Хоть и плодов не давала, а я её столько лет берегла. И знаете, в этот год были яблоки. Крупные, красивые, с кислинкой. Миша любил с кислинкой.

Отец и мать. Они состарились без сына, а он до сих пор так и остался для них мальчишкой, у которого не выучены уроки, не проходят ссадины на руках, а обуви, как ни старайся, не напасть и на полгода.

Помнили они ещё, как сразу же после начала войны Михаил пошёл в одну из временно расположенных в Сиверской частей, как появлялся он вечерами, пропахший бензином, возбуждённый, деловитый, за несколько дней повзрослевший на год. Говорил быстро, словно и на слова-то у него не хватало времени:

— Буду механиком. Изучаю мотор. Командир говорит: смыслённые ребята нам всегда нужны...

Потом, в августе, когда линия фронта приблизилась к Сиверской, переправился в Ленинград. А что с ним в Ленинграде — поди узнай. Вот разве из присланной им газетной вырезки... А ведь если верить ей, он действительно оказался героем — этот сиверский школьник. Настоящим, по единственно верно-

му солдатскому счёту. Но об этом чуть позже.

От Егорова получил адрес Анны Яковлевны Лукьяновой. Живёт она в районе новостроек на Бестужевской улице. Попал я к Анне Яковлевне под вечер, да, видно, не вовремя попал. Большая уборка в доме — гость ни к чему.

— Про Мишу интересуетесь?

Руки у Анны Яковлевны большие, натруженные.

— А вы,— спрашиваю,— действительно видели Мишу зимой сорок второго?

Помолчала. Пальцы фартук поглаживают, а глаза щурятся, словно силятся разглядеть что-то, да всё не удается им.

— Не помню,— говорит,— приходил он к нам, верно. А вот когда — не помню... Наверное, и в сорок втором. Он тогда в танковой школе учился. А я в больнице Мечникова медсестрой работала. Страшное время было... Стужа. Холод.

Я так и не заметил, когда она назвала фамилию «Ермилов». То ли, когда вспомнила о первом письме Михаила с фронта, то ли позже, когда рассказывала о приезде племянника в двухдневный отпуск.

Ермилов... Ну, вот, кажется, и первый человек, который видел Мишу в бою, знал ему цену как механику-водителю.

Алексей Васильевич Ермилов — командир 51-го танкового батальона 220-й танковой бригады. В истории боёв за Ленинград он стал так же легендарен, как и его предшественник комбат Ушаков. Песню ушаковцев распевала вся бригада.

*Лишь одного мы всей душой
желаем:*

*Вслед за врагом помчаться
по пятам.*

*Уходят в бой Филатов и
Кулаев,*

Уходит в бой Ермилов-капитан.

Ермилов не довёл своих танков до Берлина. Он ослеп, тяжело контуженный в боях по снятию бло-

кады. Эти бои ещё и сейчас сняты ему, будто увиденные вчера, последние образы зримого мира.

А помнит ли Ермилов Мишу?

— Да. Я знал Егорова.

Худощавый человек, с высоким, изрезанным морщинами лбом, чётко разделял слова. И я, долго ждавший встречи с этим человеком, вдруг почувствовал, что могу узнать о Мише даже больше, чем ожидал.

— Я был у него командиром,— сказал Алексей Васильевич.

Солнечный луч кружил в воздухе невидимые простым глазом пылинки, касался лица.

— Тогда у меня погиб механик-водитель, и начальник штаба рекомендовал мне Мишу Егорова. Утром стоял он передо мной: рыжеватый такой мальчишка, с веснушками на лице, в зелёном шлеме. Я потом говорю начальнику штаба: «Не молод ли он для должности механика-водителя танка командира батальона? Должность ответственная. У него в руках и судьба экипажа, и боевой машины». А Курисов мне в ответ: «Берите, товарищ майор, не пожалеете».

В конце марта сорок третьего нашу бригаду в Красный Бор перебросили. Вот тут-то я по-настоящему, уже в бою, и познакомился с Мишей.

Ермилов помнил всё. Всё до мельчайших подробностей.

Помнил, как они шли тогда, вплотную за разведкой... Валил снег, и оставшиеся в стороне Ям-Ижоры словно задёрнулись белой и влажной кисей. В смотровую щель была видна развороченная колея дороги, спины автоматчиков на броне идущего впереди танка да чёрные от копоти стволы осин. Но когда впереди, в просвете между деревьями, показалась наконец сбегавшая к посёлку поляна, он, Ермилов, что называется, почувствовал: «Зенитки здесь, на опушке леса».

Нужно было скоординировать: «Газ!», развернуть машины для атаки... И, словно переняв его

мысль, мальчишка-водитель рывком вывел танк на открытое пространство. Теперь машина, маневрируя на ходу, помчалась навстречу бьющей часто и вперебой зенитной батарее.

«Ничего парень! Знает, как страху нагонять!» — с лёгкой иронией подумал тогда Ермилов. Но тут же машина содрогнулась от удара...

Он услышал стон Егорова и сообразил, что механик контужен. И ещё, как это бывает в танковом бою, когда машина теряет управление, мелькнула мысль: «Надо спасти экипаж. Мы превратились в мишень...»

Но, удивительное дело, танк продолжал двигаться. Мальчишка-

водитель, теряющий сознание мальчишка, не бросал рычагов управления.

Вот это уж было, с точки зрения выдавшего виды комбата, выше всякой похвалы...

— Потом нас всё-таки зажгли... — Комбат вздохнул, словно ещё раз переживая давно отгремевший бой... — И Мишу, он уже был в бессмысленности, мы выносили на руках. Отправили в госпиталь. А месяца через два (наша бригада тогда в Лектусе стояла) вижу — идёт мне навстречу Егоров. Жив-здор. «Берёте на танк, товарищ майор?» — спрашивает. «Нет! — говорю. — Место твоё занято. Новый водитель у меня — парень непо-

хой, да и с экипажем сдружился. Но зато,— говорю,— я тебя на танк командира бригады полковника Шпилера рекомендую. У него как раз есть там свободное место».

И рекомендовал...

Вот так узнал я от Ермилова историю назначения Миши на танк командира бригады. Узнал я и о том, что из Лектуса 220-я танковая бригада была переброшена на Синявинские болота, где вступила в ожесточённые бои с противником.

Но теперь давайте вернёмся к газетному очерку, о котором вспоминал Мишин отец Василий Кузьмич. Это была пожелтевшая, истёртая от времени вырезка из газеты «Смена» за 29 сентября 1943 года. Очерк назывался «Сынки».

Трудно сказать, каким образом во время событий, изображённых в очерке, Миша Егоров оставил танк командира бригады и вместе с другим молодым парнем Сергеем Лукановым принял участие в оборонительных боях пехотных подразделений. Может быть, их перебросили туда на время? Может быть, опять же на время, выбыл

из строя танк Шпилера? Может быть, были и какие-то другие, неизвестные мне обстоятельства. Трудно сказать...

Во всяком случае, очерк начинается с того, что Луканов и Егоров, выкопав ночью глубокий окоп, поставили свой Т-34 на стыке двух наших пехотных частей. Проходил день за днём, а враг не проявлял никакой активности. Пока один из танкистов внимательно вглядывался в насыпи гитлеровских брустверов, другой отдыхал, лёжа на траве неподалёку от машины. Пехотинцы привыкли к ним и не то всерьёз, от уважения к технике, не то в шутку называли их «хозяева танка». А ещё — «сынками». Ну, это уж за молодость.

Всё началось неожиданно. На рассвете четвёртого дня затишья шквал артиллерийского и миномётного огня обрушился на спрятанный в укрытие танк.

Первую атаку «сынки» отбили легко. Фашистам даже не удалось приблизиться к нашим траншеям. Так же легко были отбиты вторая и третья атаки.

Но в четвёртый раз автоматичи-

ки обошли танк справа, прорвали оборону нашей пехоты, и теперь их очереди доносились откуда-то сзади, от второй линии траншей. А новая цепь наступающих уже готовилась обойти танк слева. И тут случилось несчастье. Упавшая рядом мина забила землёй ствол пулемёта. Разорвав рубашку, Луканов торопливо сворачивал жгуты для чистки.

— Сейчас пойдут, — сказал он Егорову. — Приготовь гранаты.

«В эту минуту, — пишет автор очерка Александр Вересов, — Михаил готов был вести бой не только гранатами. Он знал, что если уж дойдёт до того, он будет драться кулаками, зубами. Он, чёрт возьми, умеет драться».

Егоров уже сдвинул предохранительную чеку, когда вновь услышал стук пулемёта:

— Диски! Давай диски! — крикнул Луканов.

Потом, через минуту, когда немцы залегли, Луканов предложил устало:

— Давай передохнём...

И потом сразу же:

— Диски! Скорей диски!

Под конец боя ствол пулемёта на танке «сынков» раскалился так, что пули утратили дальность полёта и стали падать поблизости, плевками, как говорят бойцы.

К утру следующего дня Михаил и Сергей подсчитали: отбито девятнадцать атак. В двадцатую гитлеровцы так и не пошли.

Заканчивался очерк так:

«После боя между Сергеем и Михаилом происходит такой разговор:

— Слышишь, Михаил, — сказал Луканов. — А ты знал, что снаряд сорвал у танка гусеницу? Что обойди нас немцы — нам и не отступить...

— Знал, — медленно повернулся к Луканову Михаил. — Знал, Серёжа. А куда отступить? Зачем отступать? Вот вперёд не пойти — это уж и вправду страшно».

...И он пошёл вперёд, пошёл уже ветераном-танкистом. Настоящим воином, награждённым орде-

ном Красной Звезды. В начале января 1944 года он в последний раз был в Ленинграде. Сказал Анне Яковлевне не то грустно, не то мечтательно:

— Идём на прорыв. Может быть, повезёт — буду в Сиверской.

А через несколько дней он уже вёл в бой танк командира. Они двигались к Ломоносову, на воссоединение с «малоземельцами»...

Они шли чуть севернее родных Мишиных мест... Но увидеть маму, постоять над оредежскими обрывами ему уже было не суждено...

Я долго не знал точных обстоятельств гибели Миши. Узнать о них помогло опять же письмо школьника. Ученик 5-г класса 126-й школы Саша Гнедин писал, что его отец, Герой Советского Союза Виктор Александрович Гнедин, воевал вместе с Мишей и был свидетелем его гибели.

...В парке санатория «Курорт» под Сестрорецком уже вовсю кричали грачи. Солнце было по-весеннему ослепительно.

И даже как-то не верилось, что бой, о котором рассказывал Виктор Александрович, жестокий и короткий ночной бой, мог греметь когда-то под этим чистым и высоким небом.

Он, Миша Егоров, не ждал этого боя.

В ночь с 19 на 20 января 1944 года танки 220-й бригады шли по шоссе от Телезей в направлении

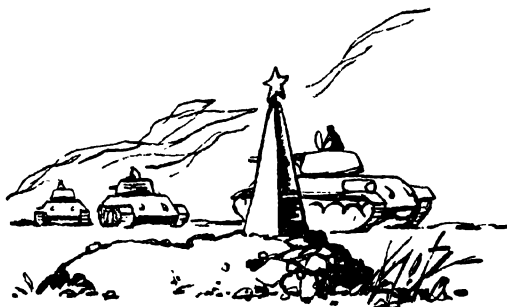
Русско-Высотского. Шли, преследуя отступающего противника.

И вдруг слева, откуда-то из леса, вывернул фашистский «Тигр», выстрелил почти в упор по ближайшему к нему танку командира бригады. Когда танк загорелся, экипаж успел выскочить через люк башни, а нижний люк, люк механика-водителя, заклинило. И Миша так и остался сидеть за рычагами управления в горящем танке...

Его похоронили на братском кладбище в Русско-Высотском. Танки ушли вперёд, и никто из Мишиных фронтовых друзей не сумел отдать ему последних почестей.

Что ж, так бывает на фронтовом марше...

Вот и всё. Вот и конец истории одной фотографии. Конец рассказа об ушедшем на фронт безусом школьнике, о герое-танкисте и благодарной памяти, которая осталась о нём у людей.

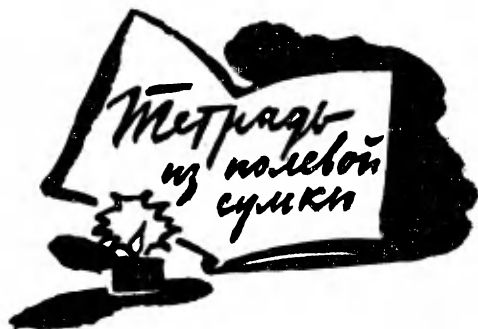

Долгим был путь солдата. Дрался он на Ленинградском и 4-м Украинском фронтах. И была у солдата полевая сумка, копились в ней листочки с наспех написанными строчками.

В этом году Николай Дмитриевич Новосёлов снова вернулся к этим стихам. Книга, которую готовит поэт, так и будет называться — «Тетрадь из полевой сумки».

Рисунки Г. Моисеевой

В местах знакомых ныне
 довелось нам
Копать всю ночь траншеи
 над рекой.
Здесь будет бой...
Тесней прижались к соснам

Тревожный, настороженный
покой.
Мы часто здесь июльские
рассветы
Встречали красногалстучной
гурьбой...

Здесь будет бой...
 А сколько песен спето
 По вечерам, у мачты голубой,
 Когда редели сумерки за нами,
 Давая волю дымному костру,
 И вышитое лагерное знамя
 Над нами шелестело на ветру.
 Мы разошлись в колоннах
 батальонов,
 Не зная, повстречаемся ли
 вновь.
 Под знойным Севастополем —
 Леонов,
 У скал Гангута — Лёвка
 Иванов...
 В огне войны, лишь почтой
 полевою
 Храня о встрече будущей мечту,
 Мы все живём тревогой боевою,
 Винтовки чистим, стынем
 на посту,
 Ведём бои за каждую ложину
 Играненной, истерзанной земли.
 И первые солдатские морщины
 На лица запылённые легли.
 Но памяти наивной теплотою
 Навек согрета юности пора,
 Одетый в сосны берег над рекою,
 И горна звук, и песня у костра.
 И вот сегодня снова довелось
 мне
 Зарю скупую встретить
 над рекой...
 Здесь будет бой.
 И глухо дрогнут сосны,
 Качнётся потревоженный покой.
 Здесь будет бой —
 За камни переправы,
 За свет костра, за тихой речки
 гладь...

Здесь будет бой —
 За право жить,
 За право
 Свободным ветром Родины
 дышать.

В ЗАВОДСКОМ ЦЕХЕ

Цех дрожит от близкой
 канонады...
 Привела блокада паренька
 Прямо из тимуровской команды
 К суппорту токарного станка.
 У станка на ящичке стоит он,
 Похудевший,
 В ватнике большом.

Режет сталь резец из победита,
 Закипает стружка под резцом.
 И флажок пылает над станиной
 Кумачовый,
 В точности такой,
 Как над взятой на пути
 к Берлину
 Энскою высоткой подо Мгой.

НА ПУТИ К ПОБЕДЕ

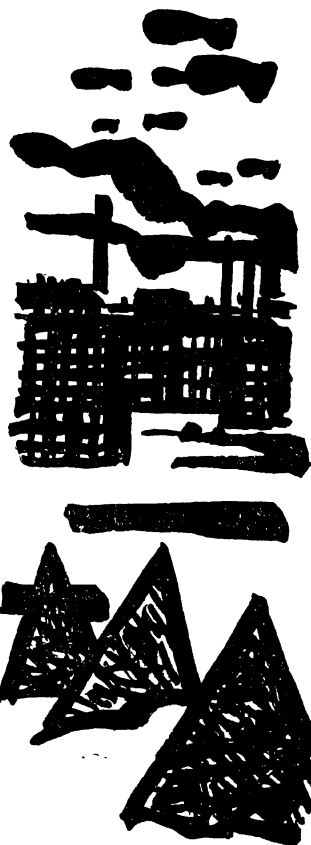
*«Пот — не кровь,
Не жалейте пота! —
Проповедовал старшина. —
Такая у нас работа —
Война».*

Гимнастёрки мокры от глины.
Мы копаем траншеи опять.
Нам до Гитлера, до Берлина
Очень нужно их докопать.

И мы копаем,
Копаем,
Не разгибая спин.
Глохнет ночь над передним
краем
От ко́шачьего визга мин.

За нами блокадный город
Горя,
Веры,
Любви.
С нами пушки «Авроры»
И ленинский броневик.

Лицо застигает потом.
Дорога домой длинна.
Взрыгается в грунт пехота,
Ворочает глину рота
Четвёртую ночь без сна.
Такая у нас работа —
Война.

Я ПАМЯТЬ ЛИСТАЮ...

Я память листаю.
Года. Города.
На старой солдатской пилотке звезда.
Последние вёрсты похода.
Последние вмятины на броне.
Последние раненые на войне.
Весна сорок пятого года.

Я помню горячие камни руин
И знамя над крышей рейхстага.
Уральские танки,
Войдя в Берлин,
Поворачивают на Прагу.

До полной победы — один
перегон.

Полсутки бессонного марша...
Концлагерь в горах,
 подожжённый врагом,
Бойцы увидали из башен.

Ревущие танки рванулись
вперёд.

Тяжёлый КВ
С разворота
Ударил в железные створы
И — вдрызг разлетелись

И ринулись люди, светлея
лицом,
В свободы широкие двери.

Рыдала девчонка, обнявшись
с бойцом,
Спасенью, как чуду, не веря.

Потом улыбнулась, от счастья
хмельна,
Босая, в изодранной блузке.
«Совет», — по-французски
сказала она,
И: «Здравствуй, товарищ!» —
По-русски.

Был день лучезарен,
И сладок до слёз

Свободы целительный воздух,
И не было в мире прекраснее
звёзд,
Чем наши, красные звёзды.

Поляк и бельгиец,
Француз и словак
Спешили тем звёздам навстречу.
«Спасибо, товарищ!» —
Звучали слова
На всех языках и наречьях.

...Я память листаю.
Года. Города.
На старой солдатской пилотке
звезда.
Баклажка моя фронтовая...
Сквозь годы ведёт меня память
туда —
В то утро Девятого мая.

Узнал я, как много у мира
друзей,
Когда по дорогам и тропам
На свет выходила
из концлагерей
Спасённая нами Европа.

Дорога на Прагу припомнилась
мне.
Последние вёрсты похода.
Цветы на пропахшей газойлем
бронь.
Весна сорок пятого года.

Б Р А Т Ь Я

(Глава из повести)

Утром поезд остановился на крупной узловой станции. Пассажиры, сталкиваясь чемоданами, шумно освобождали купе.

Вагоны скоро опустели. И только в последнем, «курящем», двое мальчишек сидели на своих полках. Тот, что поменьше ростом, во флотской фланелевке поверх серого свитера, сосредоточенно ковырял в носу. Другой, в полосатой кепке набекрень, мял в руках вязаную фуфайку и смотрел в окно.

Вошёл усатый проводник, удивился:

— А вы что же, мальцы?

Поменьше ростом встал:

— А может, он дальше пойдёт?

— Нет, мальцы, не пойдёт. Опасно дальше.

Мальчишки медленно подняли с пола мешки и, закинув их за спины, направились к выходу.

Странные это были мальчишки. Шли они до вокзала молча, будто и незнакомы во все. Уселись на скамейке в некотором отдалении друг от друга. Развязали мешки, и каждый в отдельности принялся за нехитрый завтрак: один достал кусок хлеба, другой — варёную картошку да луковичку...

Наконец, стряхнув крошки с колен, тот, что поменьше, пробурчал:

— И чего прилип?

— Ничего не прилип... Сам ты прилип. Говорю тебе: нельзя вдвоём ехать. Застопорят. Давай так: с первым эшелон поеду я. А ты потом.

— Не-е...

— Чего «не-е»?! Застопорят же! Вот навязался!.. Будто других фронтов нет. Ехал бы туда и «некать» не надо было. Ладно, пошли в парк, что ли...

— Оттуда вокзала не увидишь.

— Увидишь...

В строгом смысле слова это был не парк и не сад. Ни дорожек, ни аллей, ни клумб. Кусты акации и ольшаника, семейки берёз и осин, сирень, ели, сосны, дубы — всё это было раскидано, как умеет делать сама природа. Лишь многочисленные кривые тропинки да редкие скамейки в тени акаций говорили о том, что это не просто лес, а место для отдыха.

Одну скамейку мальчишки перетасили в тихий дальний угол, откуда хорошо просматривалась железная дорога, вынули из мешков по книжке и уселись читать.

В полдень на станцию прибыл воинский эшелон. Маль-

чишки долго и внимательно изучали каждую теплушку и наконец остановились на третьей от хвоста, около которой было больше всего весёлого шума. В раскрытых дверях теплушки сидел, свесив длинные ноги почти до самой платформы, парень цыганского типа с узкими усиками. В подвижных руках он держал гитару. Неумело бренча струнами, парень томным голосом запел:

*Ах, эти чёрные глаза
Меня пленили...*

Он медленно поднял к небу полузакрытые глаза, прижал к груди гитару и досадливо поморщился:

— Фу, чёрт, забыл дальше!

Мальчишки приблизились к теплушке.

— Очи чёрные, очи жгучие... — снова начал было пе-

вун, но тут же запнулся. — Опять забыл!..

Какой-то пересмешник продолжал басом:

— Очи жгучие и шипучие...

Дальше ещё кто-то добавил:

— И колючие.

А потом пошло с разных сторон:

— И певучие...

— И манючие...

— И гадючие...

— И линючие...

Всё это закончилось взрывом хохота.

— Эх, вы, черти ползучие, — сказал певун, когда немного стихло, — не знать такой песни!.. — Он отложил в сторону гитару и, сняв пилотку, шлёпнул ею по струнам.

Коренастый, седоватый человек с портупеей через плечо подошёл к певуну. Принял стойку «смирно», козырнул.

Нарочито чётким голосом произнёс:

— Молодец, рядовой Панасюк! — Помолчал. И ещё чётче: — Не умеешь!

Панасюк бойко соскользнул вниз, вытянулся перед коренастым, приложил руку к виску:

— Так точно, товарищ старшина! Не умею!

— К пустой голове, рядовой Панасюк, руку не прикладывают.

— Так точно, товарищ старшина! К пустой голове... — И вдруг спохватился: — Как к пустой?..

Снова хохот. Только теперь смеялись все: и певун, и старшина, и даже мальчишки.

— Начну я, — шепнул товарищу мальчишка в полосатой кепке. — Мы, значит, братья.

— Давай...

Широким шагом они подошли к старшине и остановились:

— Товарищ старшина, разрешите обратиться!

Старшину несколько удивила неожиданно появившаяся необычная шеренга:

— Кто вы?

— Братья, — в один голос ответили мальчишки.

— Братья? Тогда валяйте, обращайтесь!

— Товарищ старшина! Возьмите нас с собой, — сказал первый.

— Вот как! — опешил старшина. — С собой, значит?

— Да.

— Гм... — Старшина, приняв чрезвычайно серьёзный вид, несколько раз прошёлся перед шеренгой из двух маль-

чишек, потом неожиданно громко скомандовал: — Смирно!

Головы мальчишек дёрнулись вверх и застыли в тревожном ожидании.

— По порядку номеров считайся!

— Первый! — одновременно отозвались оба.

— Второй! — И опять в один голос.

— Не пойдёт! — отрезал старшина. — Дисциплины не вижу! Воинская выучка где? Где, я вас спрашиваю? Нет её! Эх вы!.. Собрались воевать...

Лица мальчишек повеселели.

— Мы не воевать, товарищ старшина. — Мальчишка снял полосатую кепку, помял её в руках. — Мы до дяди Андрея добираемся. Вчера по телефону с ним разговаривали. «Давайте, говорит, ко мне». Куда ж нам ещё? Сюда на поезде приехали, а дальше хоть пешком... Не идут поезда дальше.

— Так-с, значит... А далеко ли до вашего дяди Андрея?

— Пешком-то, наверно, далеко. А так... Раз, два, три... на пятой остановке выходить.

Старшина присвистнул:

— Так это ж почти фронт!

— Не-е... Нам дядя говорил: самолёты только летают, а так тихо.

— Не могу, ребяташки, — после минутного раздумья сказал старшина. — Парни вы, видать, хорошие, но не могу. Нельзя. Это ж воинский эшелон! Понимаете?

— Понимаем, — мальчишка, вздохнув, не торопясь надел кепку. — Пешком придётся.

Уж очень жалкий вид стал у обоих мальчишек! Согнулись, как старички. Понурили головы. На лицах страдание: вот-вот заплачут.

— Слухай, Митрич! Парни нашенские. Добрые. Нехай едут. Им же треба, — сказал Панасюк на особом украинско-русском наречии, которое у наших людей невольно вызывает мягкие, добрые чувства.

— Ну, а если эшелон там не остановится? — спросил старшина. — Это же трибунал мне!

— Да как же он на такой

огромной станции не остановится?! — затараторил парнишка в полосатой кепке. — Что вы! Здесь остановился, а там и подавно! Город.

— Должен бы остановиться, — с сомнением сказал старшина. — Ну, ладно! Так и быть... Ох, и подведёте вы меня под трибунал!

Обрадованные мальчишки бросились было прямо к теплушке, но старшина остановил их:

— Стоп! Не пойдёт! Как звать?

— Женька, — ответил мальчишка в флотской фланелевке.

— Сашка, — назвал себя мальчишка в полосатой кепке.

— Женька! Сашка! Что умеете делать?

— Как... что? — мальчишки пожали плечами.

— Ну... там... играть, плясать и прочее такое.

— Я играю на гитаре, — сказал Женька.

— Точно! Он хорошо играет на гитаре, — подтвердил Сашка.

— А ну-ка! — Старшина указал на гитару.

Женька схватил гитару и взял три самых своих любимых аккорда.

— Молодец! Умеешь! А «Чёрные глаза» можешь?

Женька утвердительно кивнул.

— А ты? — обратился старшина к Сашке.

— Читаю стихи, — ответил Сашка.

— Он Маяковского здорово шпарит, — уточнил Женька.

— Давай! — старшина рубанул воздух ладонью.

— Ну что ж...

Хотите —

буду от мяса бешеный,

— и, как небо, меняя тона, —
хотите —

буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а — облако

в штанах!

Вокруг захлопали:

— Вот даёт!..

— Подойдёт! Марш в вагон! — сказал старшина. — Ой, подведёте вы меня под трибунал...

Вскоре эшелон тронулся. Постучал-постучал колёсами и часа через два остановился. Впереди чинили путь. Пролетал какой-то заблудший самолёт-шатун, сбросил небольшую бомбу и разворотил полотно.

Станция маленькая. Кирпичного цвета вокзальчик, десяток домиков с огородами — вот и всё. Сразу за огородами начинается тёмный лес. Словом, не станция, а полустанок.

Старшина во избежание неприятностей не выпустил мальчишек из вагона, приказал им забраться на верхние нары и «умереть».

Подошёл начальник эшелона.

— Смирно! — скомандовал старшина.

— Вольно!.. Товарищ старшина, оставьте двух бойцов у вагона, остальных к ремонтникам, на помощь.

— Есть!

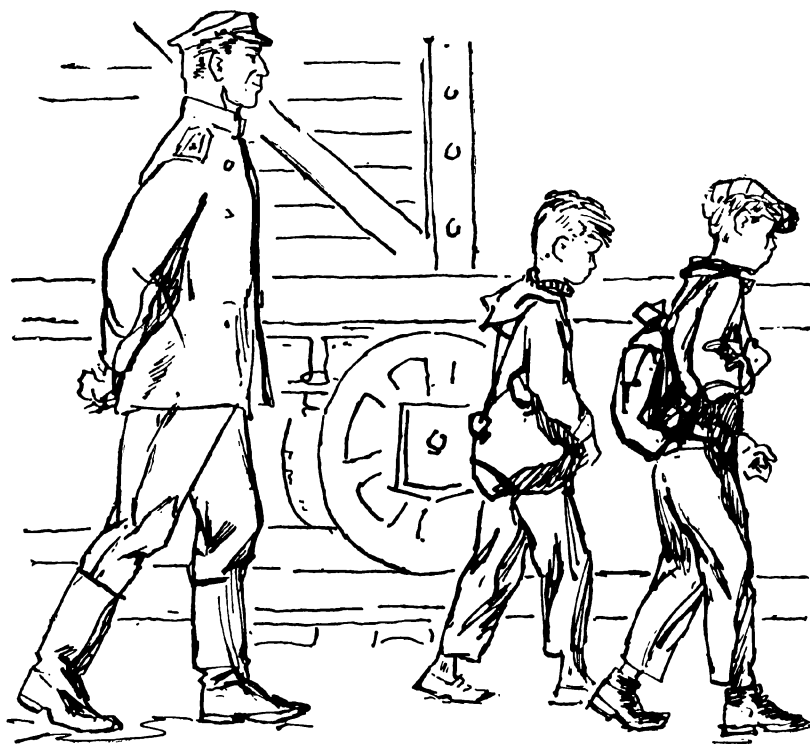
Вдруг, к ужасу старшины, майор шагнул к распахнутым дверям теплушки.

— Товарищ майор! А повреждение серьёзное? — попытался отвлечь внимание старшина.

— Не мешало бы в вагоне поддерживать лучший порядок, — не отвечая на вопрос, заметил майор. Его острый взгляд, как луч прожектора, пополз вверх. — А это что?

Старшина похолодел, увидев на верхней полке предательски торчавшую пару ботинок.

— Что это такое, я вас спрашиваю?

— Приболел один... товарищ майор... Живот схватило.

— Приболел? А ботинки-то вроде не солдатские...

Ботинки тотчас же спрятались.

Старшина виновато склонил голову.

— Плохо придумал, старшина, — сердито сказал начальник эшелона.

— Плохо, товарищ майор, — упавшим голосом произнёс старшина.

— Эй, наверху! — крикнул майор. — А ну, вылезай! Старшина, прикажите.

— Вылазь, ребята! — вздохнул старшина. — Говорил я: подведёте вы меня под трибунал.

Пока Женька и Сашка не-

хотя спускались с нар, старшина оправдывался:

— Одни остались ребяташки. Братья они. Мать померла, а отец воюет. Добираются до дяди родного. Звал он их. Тут совсем недалеко. Пожалели мы...

Перед майором мальчишки потупились.

— Пожалели, говоришь? — Майор усмехнулся и, щурясь, пристально поглядел на мальчишек. Закурил. — Ну, что ж... Давайте в мой вагон! Там просторнее.

Вагон майора находился в голове эшелона. Это был обыкновенный пассажирский вагон. Жёсткий, некупированный.

Майор пропустил мальчишек вперёд:

— Ну, усаживайтесь! Наверное, есть хотите? Только честно.

Мальчишки отказались.

— Флотскую фланелевку-то брат подарил? — обратился майор к Женьке.

— Да.

— Я недавно тоже на флоте служил. На Балтике, — мечтательно произнёс майор.

— И брат на Балтике.

— Да ну? — заинтересовался майор. — А как его зовут?

— Виктор. Виктор Вихров.

— Вихров, значит? Майор задумался. — Нет, не слышал.

— Погиб он в самом начале войны.

Майор нахмурился, встал и долго стоял молча, прислонившись плечом к полке.

— Да, страшное дело война. Особенно эта. Всё отступаем и отступаем... Я вот недели две назад сопровождал такой же эшелон на фронт. Подходит ко мне мальчишка. Помоложе вас. «Дяденька, возьми на фронт». Из деревни убежал. Мать дома одну оставил. Я и говорю ему: «Тебя же никто на фронт не звал. Позовут — пойдёшь. А сейчас ты нужнее колхозу, школе, матери. Как же ты их оставил? Дезертир ты, значит! Разве можно взять тебя на фронт?» — «Они, говорит, и без меня сдюжат. А мне непременно на фронт надо». Вот и поговори с ним! Я ему: «Что ж это будет, если все мальчишки — а вдруг и девчонки! — побегут на фронт? Нехорошо будет. И в

тылу беспорядок, и на фронте беспорядок. Вот и побьют нас». Он согласился, что будет нехорошо. «Но меня, говорит, возьми, мне непременно надо. А других пущать нельзя. Это непорядок». Попугал я его: «А ты знаешь, сколько у Гитлера танков, самолётов, пушек? Вон наши отступают. Где ж тебе сдюжить?» — «Сдюжу!» — говорит...

Майор положил руку на Сашкино плечо, спросил, заглядывая ему в глаза:

— И сдюжим, верно? Непременно сдюжим! Как звать-то?

— Александр. Сашка.

— Александр... А дальше?

— Хлебников.

— Вот и договорились. Вихров. Хлебников. Братя, — сказал майор, удовлетворённо потирая ладони. — Старшина, — крикнул он куда-то в глубину вагона, — выдай парням по паре банок консервов. На всякий случай. И домой, мальчишки... Не возражайте! Наперёд знаю, что говорить будете. Старшина, отведёшь их к начальнику станции и передашь ему вот эту бумажку. Тут у меня всё написано. До свидания, мальчишки! Может, ещё и свидимся. Война только начинается... Но учтите: «зайцев» в своём эшелоне я не терплю, — майор на прощанье погрозил пальцем.

— Очередные беглецы, значит. Целая партия, — иронически сказал старшина, когда майор ушёл.

Видя, что мальчишки не

удостаивают его вниманием, старшина скомандовал:

— За мной! Вы у меня смотрите! Чтоб не баловать. А то... — И старшина похлопал по кобуре.

Не доходя метров ста до вокзала, мальчишки вдруг свернули направо и побежали. Старшина, отставший от них на добрый десяток метров, растерялся:

— Стой! Стой, говорю, стервецы! Стрелять буду! — закричал он, расстёгивая кобуру.

...Сашка не сразу обнаружил, что потерял Женьку. Тот до самой кромки леса бежал чуть правее и сзади его. Потом Сашка наткнулся на старую, поросшую ольшаником и ивняком загородку, обогнул её слева, надеясь, что Женька следует за ним, и неожиданно оказался в болоте. Заметил он это, провалившись правой ногой по колено в торфяное месиво.

Вытащив ногу, Сашка огляделся. Женьки нигде не было. Вокруг простиралась зеленовато-жёлтая мшистая равнина с чахлыми берёзками и сосенками, которые росли на пушистых кочках, усеянных ярко-красной клюквой. Сотни коварных лужиц, окаймлённых бурым мхом и осокой, темно поблёскивали на этой равнине. Не подходи к лужице близко — вцепится, потянет, засосёт. Словом, болото.

А тут ещё небо обложило серыми тучами. С деревьев спустились синие вечерние сумерки и поползли под ноги.

За шиворот потекла сырая прохлада.

Сашке стало жутковато. Он коротко и резко свистнул. Прислушался. Ему показалось, что справа ответили. Правда, издали, будто из самой глубины леса.

Сашка выбрался на сухое и пошёл на свист. Он набрёл на ручей.

Метрах в ста вниз по течению был своеобразный висячий мост, образованный рухнувшей осиной. Дерево старое, с облезлой размочаленной корой. Прежде чем взобраться на него, Сашка ещё раз свистнул и тут же получил ответ. Его обеспокоило, что Женькин свист донёсся снова издали, и он заторопился.

Комлевая часть осины была толстая. Сашка уверенно ступил на неё, побежал. Осталось всего несколько шагов, но правая нога скользнула, словно наступила на арбузную корку. Сашка, не ожидавший подвоха, полетел вниз и оказался по пояс в вязкой пузырящейся пучине.

Упёршись ладонью в осину, он первым делом попытался освободить ногу из трясины. Рванул и... взвыл от боли в лодыжке. «Вывихнул или сломал, — с горечью подумал Сашка. — Один пропаду, надо Женьку звать». Но он сразу подавил минутную слабость. Ни за что!

Женька посвистывал где-то недалеко.

Нет, Сашка выберется сам! Он не доставит радости Жень-

ке, из-за которого проваливается всё дело.

Сашка снял мешок и, перекинув лямки через дерево, попытался подтянуться. Лямки трещали, а трясина крепко держала его. И ещё эта боль в ноге!

Обессилевший Сашка наконец убедился, что без Женьки ему не выбраться. И всё-таки звать на помощь не хотелось.

А Женька приближался. Его посвистывание раздавалось уже совсем рядом. По-видимому, он находился на лужайке. Наверное, наткнулся на ручей и не знает, куда идти — вниз или вверх по течению, вот и насвистывает, ждёт. Свистнул и Сашка. Это получилось непроизвольно, он и не думал свистеть.

Женька быстро нашёл его. Увидел и рассмеялся:

— Вот здорово!

Сашка рассердился:

— Для тебя, может быть, и здорово. А мне вот не вылезти. Ногу, кажется, сломал... Чёрт его знает...

Спустя полчаса Женька, хоть и сам перемазался, но выволок Сашку из трясины.

В лесу стемнело, похолодало. По верхушкам деревьев с шумом прокатывался порывистый ветер. Сашку знобило. Особенно трудно было совладать с зубами. Они так и порывались пуститься в дробный перепляс. В душе Сашка костил себя на чём свет стоит. Идти он не мог: нога в лодыжке распухла, даже малейшее движение причиняло нестерпимую боль.

— Спасибо! — процедил Сашка после того, как немного очистился от грязи. — Не вылез бы я...

Женька промолчал.

— С такой ногой я тебе больше не попутчик. Можешь уезжать один...

Женька, качая головой, молча размотал шнурки на Сашкиных ботинках, стащил их, поставил на камень.

— Всё из-за них, — пробурчал он. — Надо тебе их было высовывать с полки!.. Ладно уж. Высохнут — потопаем. Раненого ещё скорее подвезут. Только теперь уж чур — с фамилиями не путаться!

Творчество юных

Стихи юных поэтов
литобъединения «Гренада»

КАПЕЛЬМЕЙСТЕР

Он против смерти, против
смерти!..

Но дан приказ — идти на
смерть.

И он, вчерашний капельмейстер,
Теперь — германский офицер.
Казалось очень непривычным,
Что он попал в такой поток:
Не к Бонну мчалась электричка,
А бронепоезд на восток.
Он ждал, что фронт — такой же
праздник:

Чеканя шаг, равняя строй,
Как на торжественном параде,
Пойдут войска в победный бой.
А было всё в аккордах стонов
И в дикой ярости огня.
И сердцу, сердцу беспокойно.
А в чём причина? — не понять.
Но как-то вместо взрывов

хриплых,
Заставив кровь по жилам стечь,
Вдруг зарыдала чья-то скрипка
Из-за нейтральной полосы.
И сразу вспомнилась капелла,
Мечты, искусства торжество...
Свободно музыка летела,
Послушна палочке его.
И, задохнувшись, вдруг он понял;

Рис.
А. Курушина.

Что встретил самый страшный
миг:

Что против них пошёл Бетховен,
И Моцарт тоже против них.

Гриша ЧЕМОДАНОВ

БАЛЛАДА О РАЗВЕДЧИКЕ

По Токио, по Токио,
Под взглядами косыми,
Как будто бы под токами
Высокой частоты,
Шагал бесстрашный Зорге —
Разведчик из России,
О нём тогда не знали
Ни я, ни он, ни ты.
Не ведали фашисты,
Не думали японцы;
Но каждая минута —
На острие ножа.
Издалека Россия
Была ему как солнце.
Он шёл на подвиг смело,
Собой не дорожа.
Ведь было очень важно

Раскрыть фашистов планы,
Шпиков и полицейских
Вкруг пальца обвести,
Разведчика оружием
Спасти от смерти страны
И Родину Советов
От недругов спасти.
По Токио, по Токио,
Под взглядами косыми,
Как будто бы под токами
Высокой частоты,
Шагал бесстрашный Зорге —
Разведчик из России.
О нём сегодня знаем
И я, и он, и ты.

Гарик ЕВСТАФЬЕВ

В О Е Н Н А Я И Г Р А

И сосен царственность немая,
и солнечный скользящий свет!..
И я крадусь,

 в руке сжимая
пистонный ржавый пистолет.
Дрожали сосны напряжённо,
как перед боем корабли.
Лесная тропка лентой жёлтой,
как мячик, прыгала вдаль.
Игра в войну была в разгаре,
и дело обстояло так:

«фашистов» план давно
 разгадан,
но где-то притаился «враг»,
Я шёл в тылы к ним.

 Я — разведчик.
Но, амуницией звеня,
«враги» бежали мне навстречу,
стреляя шишками в меня,
и за руки меня хватали,
и по тропинке волокли,
и хохотали,

 готовали:
мол, «языка» поймать смогли!
И как я вырвался — не помню...
Качнулся вереск подо мной,
и я бежал тропой неровной
и слышал крики за спиной...
Бежал я, пыльный и усталый.
Всё дальше в лес, куда-нибудь!..
И вдруг в окоп свалился старый,
решив хоть здесь передохнуть.

И вспомнил я, что в нём
 когда-то,
винтовки
 выставив
 вперёд,
сидели, сгорбившись, солдаты,
и надрывался пулемёт.
Они курили и ругались,
и не сдавались до конца,
и падали, взмахнув руками,
сжимая в кулаках сердца...
И я не мог быть посторонним
и ждать, пока утихнет бой...
И я опять пошёл по тропке
своей военной тропой.

Лёша ШЕЛЬВАХ

З А В С Ё В О Т В Е Т Е

Давно засыпаны окопы.
Давно распахана земля.
По городам твоим, Европа,
Шумят, как прежде, тополя.
И вновь на плиты тротуаров
И на ладони площадей
Слетают голуби устало
К ногам играющих детей.
И в этой трепетной, несмелой,
Насторожённой тишине
Фашизм мечтает оголтело
Уже об атомной войне.
Руками вскинутыми снова
Они приветствуют «вождей».
И тяжело лязгают подковы
О гулкий камень площадей.

И на полях необозримых
В раскатах грома, в блеске гроз
Я ощущаю запах дыма,
Я ощущаю горечь слёз.
Я вижу: пламенем объаты
Горят деревни, города,
Мальчишек, призванных
 в солдаты,
Что не вернутся никогда.
Нет, не забыты на планете
Ни дни войны, ни гнев людской!
Мы подросли, за всё на свете
Мы отвечаем головой.

Володя КРАСНОРОГОВ

Наш дядя Миша

(Рассказ ученика 4-а класса 57-й школы-интерната
Егора РОДИОНОВА)

Меня попросили написать, как я нашёл героя.

Раньше я ничего не сочинял, только сочинения в школе. Но там просто: всё по картинкам, а здесь не знаю как... Буду писать, как было. Хорошо ещё, что я веду дневник: теперь он мне вспоминать поможет. А можно и прямо оттуда выписывать.

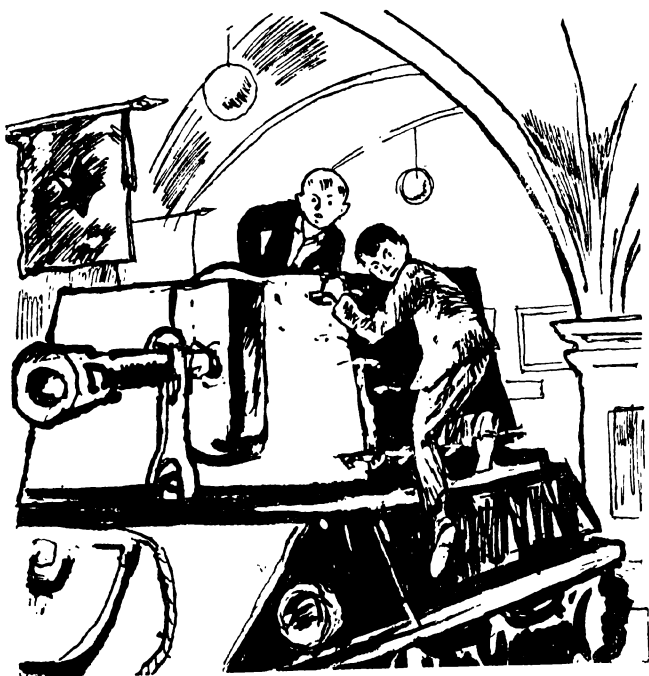
«5 октября. Сегодня Нинель Петровна сказала, что многие пионерские отряды борются за право носить имя какого-нибудь героя. Надо и нам найти героя. Создать отряд красных следопытов и искать. Следопытами решили стать все.

Ребята у нас почти все мечтают стать летчиками и космонавтами. Целыми днями только и говорят про разные пропеллеры, рули, высоты, элероны, нервюры... А про танки никто и не вспоминает. Несправедливо это. В войну танки тоже сражались героически. Я решил стать танкистом, механиком водителем.

30 ноября. Теперь я дружу с Мишкой Малыгиным. Агитирую его тоже стать танкистом. Сегодня ходили с ним в Музей артиллерии. Там есть самоходная установка. Мы даже залезли в неё. Ох и здорово!

10 декабря. Наши следопыты так пока ещё никого и не нашли. А где искать героя? Как его искать?

15 декабря. Сегодня с Малыгой опять были в Музее артиллерии. Там у нас случилась неприятность. Только стали мы вылезать из самоходки — и напоролись на тётеньку-экскурсовода. Я убежал, а Малыгу она поймала за рукав.

Может быть, это даже хорошо, что мы на неё напоролись. Потому что, когда я убежал, то забежал в какой-то зал. Вижу — знамя висит. Старое. Пулями пробитое. И выгорело всё. Стал я читать, что под знаменем написано, и вдруг узнал, что оно было водружено над городом Шлиссельбургом в день прорыва блокады, и, главное, — неизвестным героем! Я сразу подумал: вот кого искать надо!

А Малыгу тётенька долго допрашивала. Но он меня не выдал и про нашу школу тоже ничего не сказал.

14 января. Целый месяц я ишу неизвестного героя. Сколько книг про блокаду перечитал, а о том, кто водрузил знамя над Шлиссельбургом, нигде не написано. Моя мама тоже мне помогает. Она ходила в библиотеку для взрослых, но тоже ничего не нашла.

Я, когда ложусь спать, всегда представляю себе, как это было. Он высокий такой, широкоплечий. На лице шрам от пули или от осколка снаряда. Город горит, везде пушки бабахают, а он идёт и ничего не боится. Потом поднимается на самую высокую вышку и водружает красное знамя. А внизу бойцы кричат «ура» и стреляют вверх из автоматов. И вот уже город наш. Блокада прорвана. Потом начинают искать героя... А его уже и след простыл.

В классе я пока никому о герое не говорил. Чего зря-то говорить? Если найду — скажу.

28 января. Вчера мы опять

были в музее. К самоходке теперь не подойти. Экскурсовод с нас глаз не спускает.

А что, если её спросить? Мы ведь вроде даже знакомые.

Оказалось, что она тоже ничего не знает. Но всё-таки она нам сказала: «Тут как-то один военный корреспондент рассказывал, что они снимали фильм о прорыве блокады в сорок третьем году. Вот если этот фильм сохранился, то, может быть, там и о вашем герое что-нибудь есть».

29 января. Звонили с Малыгой на киностудию «Ленфильм». Целый день звонили. Позвоним — нам новый номер телефона дадут, мы опять звоним. Наконец, какой-то дяденька сказал, что если такой фильм есть, то искать его надо в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов. Во названьице! Еле записали. По буквам записывали: «Катя — Ира — Нина — Оля» — получится «КИНО».

30 января. Сегодня я, Малыга и мама сочиняли письмо в архив. Находится он где-то под Москвой, в городе Подольске. Пришлось два раза письмо переписывать: уж очень почерк у меня некрасивый. Недаром Нинель Петровна ругается.

5 февраля. Ответа всё нет.

10 февраля. Нет ответа. Авдуг и совсем не будет? Хорошо, что я ребятам в классе ничего не говорил.

2 марта. Ура! Почтальонша принесла целый пакет! Вот что там написано:

«В ответ на ваш запрос от

30/1 сообщаем, что в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов СССР имеется на хранении киножурнал № 5-6 1943 года производства Ленинградской студии кинохроники, где имеется сюжет — прорыв блокады Ленинграда. В этом журнале есть кадры, запечатлевшие момент водружения флага над городом Шлиссельбургом лейтенантом Уксусовым. Наряду с изобразительным рядом имеется запись дикторского текста следующего содержания: «Шлиссельбург наш! Над древним русским городом лейтенант Уксусов поднял алое знамя нашей Отчизны». Высылаем вам фотокопии с этих кадров, отражающих момент водружения знамени над

Шлиссельбургом. Начальник архива кандидат химических наук Н. Мышко».

Вот, значит, как его зовут. Лейтенант Уксусов! Жаль, на фотографии лица не разобрать. И жив ли он? Ничего не известно! А если жив, то как мне его найти?

3 марта. Сегодня опять был в Артиллерийском. Наша знакомая экскурсовод очень обрадовалась и потащила меня к начальнику музея. Там меня благодарили. Я, оказывается, им здорово помог. Теперь под знаменем исправят подпись.

9 марта. Всё-таки мама у меня молодец! Пошла в Ленсправку и попросила дать ей адреса всех-всех Уксусовых. Сначала ей давать не хотели, но когда она сказала, что это для красных следопытов, — дали.

С Малыгой мы поспорили. Он говорит, что адреса Уксусовых надо раздать всем ребятам в классе, пусть все ищут. А я говорю: давай сами найдём, а потом сообщим неожиданно. Так же интереснее!

14 марта. Одного меня мама не отпускает. Ездим с ней по городу вместе. Иногда и с Малыгой ещё. Прошли уже по шести адресам, а пока Уксусовы не те.

17 марта. Хоть бы родственников найти. Были же у него родственники! А может, он и не ленинградец?

27 марта. Важное сообщение! Сегодня я нашёл героя. Его зовут Михаил Дмитриевич и живёт он на Садовой улице в доме 60!

Он мне рассказал. И как на войне сражался, и как знамя водрузил. И ещё, оказывается, на фронте дядя Миша был танкистом!

18 января 1943 года дядя Миша самый первый ворвался в Шлиссельбург на своём танке. С ним ещё политрук Василий Мадрыгин был. Кругом немцы бьют, а они из бронемашины выскочили и поползли к колокольне. А там немцы. Пришлось их оттуда выбить. Потом дядя Миша с Василием Мадрыгиным на колокольню забрались. У дяди Миши голова кружилась от голода. Им тогда по 250 граммов хлеба в день давали. Залезли они на колокольню, сдёрнули фашистскую тряпку со свастики и водрузили наше красное знамя. Шёл бой, но бойцам уже легче воевать было, потому что над городом сияло наше советское знамя.

Всю войну дядя Миша провёл на фронте. У него орден Красной Звезды есть и медали.

2 апреля. Сегодня наш сосед (он шофёром работает) дал мне газету «Ленинградский автотранспорт» книгу обернуть. Смотрю, в газете заметка про дядю Мишу. Оказывается, он бригадир бригады коммунистического труда. Один из лучших шофёров автобазы. В прошлом году он на целине был, сразу три комбайна обслуживал. Спал по три-четыре часа в сутки. Вот какой молодец мой дядя Миша!

4 апреля. Все ребята нашего класса очень рады, что я на-

Встретился следопыт с героем. Нашёл Егор М. Д. Уксусова.

шёл неизвестного героя. Решили отправить к нему делегацию и попросить поехать с нами в Шлиссельбург. Пусть там, на месте расскажет, как он тогда в город ворвался, где полз и где знамя водрузил. Мы тоже хотим на эту колокольню залезть.

10 апреля. Сегодня всем отрядом ходили к дяде Мише. И он, конечно, согласился. Он добрый такой и очень весёлый, в общем, совсем такой, каким я его себе представлял. Только поменьше ростом. Ребятам он тоже очень понравился».

...Вот и всё, как я нашёл Михаила Дмитриевича Уксусова. А насчёт того, чтобы нашему отряду носить его имя, то за это нужно ещё бороться. С двойками, с тройками. Ведь дядя Миша может и не согласиться, чтобы его имя носили какие-то слабаки.

Придётся бороться.

ПО ПРИКАЗУ

КАПИТАНА ОРЕХОВА...

Мне к капитану...

Враг подходил всё ближе к Волге. В бывших санаториях местечка Лотошинский Сад всю хозяйничали гитлеровцы. Сновали штабные машины. Дымились походные кухни.

Мирных жителей почти не было видно. Лишь одна русская девочка лет двенадцати шныряла среди этого скопища зелёных и чёрных мундиров. Она свободно разгуливала по местечку, иногда подсаживалась поближе к солдатам и вежливо просила:

— Паны, покажите фотографен фамилие: мутер, киндер.

«Паны» расплывались в улыбке и вытаскивали солдатские книжки с хранящимися в них семейными фотографиями.

Девчонка умилялась, хвалила:

— Шён! Красивые!

С таким же интересом разглядывала автомашины. На одной кабине нарисована балерина, на другой — треугольник, на третьей — череп...

Каждое утро «Люся», как её звали солдаты, чистила картошку, лук, мыла посуду. Как-то её подозвал эсэсовец. Протянул ей свой мундир и показал в сторону пруду:

да: постирай. Девчонка кивнула и пошла к воде. Только опустила в воду тяжёлый китель, вдруг смотрит — рядом стоит тоже русская девчонка. Вся чёрная, с взъерошенной чёлкой, как грач.

— Ты что, на немцев работаешь? — поинтересовалась незнакомка.

— А тебе-то что? — огрызнулась «прачка».

— Да нет, я ничего, — поспешно сказала девочка. — Ты здешняя?

Люся что-то неопределённое промычала.

— До города дорогу знаешь? — продолжала свои расспросы чернявая. — У меня там родные. Мать больная. Пробираюсь к ней. Заблудилась немного.

— И у меня там сестра, — обрадовалась Люся. — Хочешь, пойдём вместе?..

Девочки перелезли через колючую проволоку, кинули в мешок несколько огурцов и арбузов и пошли по берегу Волги.

Впереди показалось ещё одно проволочное заграждение. Осторожно перелезли. И тут же шахранулись: прямо на них смотрело из-под земли дуло пулемёта. Люся зашептала:

— Скажем, что несём на передовую огурцы и арбузы.

Потихоньку пошли вперёд. Возле пулемёта спали два немца. Девчонки припустили изо всей мочи. Остановились только от окрика:

— Стой!

Из окопа выглядывал советский солдат.

Девчонки прыгнули в окоп.

— Кто вы? Откуда?

Таня оглянулась на попутчицу и, наклонившись к солдату, что-то тихо сказала. Люся уловила:

— Мне к капитану Орехову...

Люся вздрогнула. «Неужели вы следили? Откуда она знает капитана Орехова?»

Она молчала всю дорогу, пока не приехали в город, на тракторный завод. Здесь Таню пригласили следовать за лейтенантом. А Люсю спросили:

— Тебе куда, девочка? Беги домой, к сестре. Или подвезти?

— У меня здесь нет никакой сестры. Проведите меня к капитану Орехову...

Земляки

В 1942 году одиннадцатилетняя ленинградка Люся Радына писала сестре:

«2 мая маме стало совсем плохо. Я несколько раз бегала к вра-

чу. Из больницы поехала купить маме сироп с водой. Привезла почти пол-литра, а мне говорят — мама умерла».

Месяц Люся жила одна. Потом соседка посоветовала пойти на завод «Большевик», попросить, чтобы помогли уехать.

В проходной встретила какого-то мужчину:

— Дяденька, эвакуируйте меня.

— А тебе куда?

— В Краснодар, к сестре. Я одна осталась.

— Ну пойдём в завком. Там разберутся.

Через день Люсю уже везли по Ладоге. Потом ленинградцев пересадили на пароход. Долго-долго плыли по Волге.

...На вокзале в Сталинграде было полно беженцев. Эшелоны на Краснодар не шли.

Люся Радына оказалась в детском приёмнике. Здесь она сразу же собрала вокруг себя ленинградцев — мальчишек и девчонок:

— По Ладоге теперь продукты подвозят. Военных в городе стало много. Скоро прогоним фашистов...

Ребята слушали с интересом. У них последние воспоминания были связаны со смертью матери, брата, бабушки. А тут появилась девчонка и отвлекла их от горьких воспоминаний.

— Нам бы на фронт, — отозвался на Люсины слова угрюмый мальчишка.

— Пока нельзя, — коротко отпарировала Люся. — Давайте лучше песню про Ленинград споём. — И первая запела...

Пели до хрипоты. Потом воспитательница всё удивлялась:

— Что за девчонка? У ребят даже лица стали похожи на детские, угрюмость исчезла.

Однажды в детприёмник пришёл лейтенант, долго о чём-то говорил с директором, а потом всех ребят собрали в одну комнату.

— Враги почти у самого города, — сурово начал лейтенант. — Сил у противника пока много. Сколько точно? Это выясняют разведчики. Часто приходится им пе-

реходить линию фронта, пробираться в оккупированные станицы. Им очень важно знать и об этих станицах, о людях, которые там жили и живут. Ведь если знать это, можно и самому выдать себя за местного жителя. Вот я и пришёл к вам за помощью. Кто из вас местный?

— Я! Я! Я! — закричали сразу несколько человек.

Лейтенант поднял руку:

— Договоримся так. Будете по одному заходить в кабинет директора и подробно всё рассказывать.

К кабинету выстроилась очередь. Ребята оттуда выходили гордыми. Ещё бы! Они помогли разведчикам!

Последней в кабинет вошла Люся.

— Местная? — спросил лейтенант.

Люся не успела ответить, — к лейтенанту наклонился директор приёмника и прошептал:

— Я вам говорил о ней. Люся Радына — ребячий вожак.

Лейтенант поднял на неё глаза, и Люся, стараясь высказать всё поскорее, затараторила:

— Возьмите меня в разведку. Я не местная, но память у меня очень хорошая. И потом, на ребят ведь меньше обращают внимания. Я всё смогу.

Лейтенант молчал.

— Буду говорить, что я беженка, — продолжала Люся. — Я уже давно так решила: пойти в армию. Возьмите! Не возьмёте — сама на фронт сбегу.

Лейтенант покачал головой:

— Ты, говорят, из Ленинграда?

— Да.

— Значит, земляки. Я жил на Троицком поле...

— Ой, — обрадовалась Люся, — и я там! В 337-й школе училась...

— В 337-й? — удивился лейтенант. — Значит, ещё и одноклассники, по одной дорожке в школу бегали. — Он опять задумался. — Ну ладно, Люся, рискну. Возьму тебя под свою ответственность. Но учти: за линией фронта ещё труд-

нее, чем в блокадном городе. Подумай!

Люся ушла с лейтенантом. Всю дорогу молчала. Только один раз спросила:

— Когда на фронт?

— Э-х, не торопись. Вначале будешь учиться.

Разведчики показали Люсе альбомы. В них были фотографии знаков различия всех родов войск захватчиков. Потом её учили, как на глазок определить силы противника: рота ли здесь, взвод или батальон. Знаки различия, оказывалось, были даже на немецких автомашинах. «Балерина» — штабная машина, «череп» — эсэсовская, «треугольник» — для перевозки пехоты...

— Интересуйся семейными фотографиями солдат и офицеров, они лежат в солдатских книжках, а на первой странице такой книжки стоит номер части. Он-то нам и нужен! Но никаких записей. Всё

запоминай! Когда вернёшься, в любой части требуй, чтобы доставили к капитану Орехову.

— А кто это? — поинтересовалась Люся.

— Потом узнаешь.

Чёрный ворон

На первое задание Люсю отправляли вместе со взрослой разведчицей — Марусей Алексеевой. Снаряжал сам командир воинской части капитан Ежов. Одежонку дали ветхую. Люся ещё не совсем оправилась после блокады и в таком одеянии выглядела измученной, голодной, очень походила на беженку. Продукты брать не решали.

— Первый же сухарь или кусок сахара выдаст вас с головой. Поймут, что вы отсюда, — объяснил Ежов.

За Дон их переправили на лодках. Условились, что «беженки»

вернутся через день на заходе солнца. Задание они получили такое: пройти на хутор Лысый, узнать состояние здоровья «дяди Алексея».

Из лесочка разведчицы вышли на дорогу. По шоссе движется колонна мотоциклистов. На поляне полно гитлеровцев. Кто отдыхает, кто курит. На обочине стоят пушки. Люся остолбенела. Так близко врагов она видела впервые. Схватила Марусю за руку.

— Не бойся,—прошептала та.— Они не обращают на нас внимания. Крепись, ты же боец!

За день прошли километров сорок. Запоминали части, машины, количество пушек, танков. Ноги с непривычки болели. Босиком в Ленинграде ходить не приходилось. А тут ещё всё время думай, как говорить. Ведь здесь Люся была деревенской девчонкой и её ленинградское произношение не годилось. Она прислушивалась, как говорят вокруг, и старательно коверкала слова, подражая местным жителям.

Судя по маршруту, который хорошо изучили в отряде, до хутора осталось километров пять. Присели отдохнуть. Неожиданно из-за кустов раздалось:

— Хенде хох!

Фашисты обсыкали их. Один на ломаном русском языке крикнул:

— Тут нельзя. Назад!

— Как нам до Лысого пройти? — захныкала Люся. — Мне к маме надо...

Гитлеровец показал налево.

К вечеру были в Лысом. Встретились с «дядей Алексеем» — связным партизан.

На обратном пути разведчицы шли вдоль полей пылающей пшеницы. Оккупанты боялись партизан и потому жгли её. Впервые Люся увидела виселицу. На ней висел человек с дощечкой на груди: «Коммунист».

Почти у Дона, в овраге, разведчиц кто-то окликнул:

— Девушки, куды вы? Как к нашим пробраться?

В то время в задонских степях

много наших бойцов поодиночке и группами выходило из окружения.

Инструкция не позволяла разведчицам рисковать. Но как бросить во вражеском тылу своего? Пожалели, взяли с собой.

Подожгли к реке под вечер. Солнце уже опустилось за горизонт. Тишина. Даже птиц не слышно. Видно, улетели от войны.

— Чёрный ворон! — негромко произнесла Алексеева.

Противоположный берег не ответил. Подождали. Потом повторили пароль. И снова — молчание. В чем дело? И тут над обрывом показались гитлеровцы. Пришлось укрыться в кустах. Прошёл час. Враги ушли. Спрятали солдата и вышли на берег вдвоём. Снова повторили пароль. Им сразу же ответили. Оказывается, наших смутило, что ушли двое, а вернулись трое.

Через час уже подписывали донесения на имя капитана Орехова. Люся первый раз поставила свое новое имя: «Незаметная».

«Незаметная»

Враг рвался к Волге. Отборная 25-я танковая дивизия СС в районе Лотошинского Сада прорвала линию обороны советских войск и отрезала некоторые части 62-й армии.

Люся Радына только что вернулась с трудного задания, прилегла отдохнуть.

— Радына, к командиру!

У командира были двое незнакомых военных.

— Садись, товарищ Незаметная,—предложил старший из них.— Пойдёшь в Лотошинский Сад, а оттуда — к отрезанным частям нашей армии. Спросишь в штабе: «Как здоровье генерала Лопатина?» Ответят: «Поправляется». Тогда перескажешь всё, что написано на этой бумаге,—командир протянул Люсе листок.

...Люся прошла несколько десятков метров и вдруг поднялась стрельба. Неужели немцы? Девочка остановилась и закричала:

— Паны, не стреляй!..

— Ком, ком!— слышалось в ответ.

Сделала несколько шагов, снова стреляют.

— Паны, не стреляй!..

Вспыхнули ракеты. Девочка увидела впереди тёмные фигуры врагов. Подбежала к ним, заплакала.

— Паны, там стреляют. Спасите!

Её грубо схватили за шиворот и бросили в окопчик. До утра просидела в нём. Дрожала от холода и страха. Высунулась утром, видит — кругом фашисты. Один по-русски скомандовал:

— Вылезай!

Люся выбралась наверх.

— Как ты прошла?

— Прямо!

— Врёшь, там минное поле.

Люся побледнела: поняла, что шла по минному полю. Видимо, противник недавно заминировал этот участок, и наша разведка ещё ничего не знала. Но об этом думала про себя, а вслух плаксиво сказала:

— Правда, дяденька, бежала прямо вон от того холма.

— Что видела там?

— Танков много, пушек!— сочиняла Люся.

Оккупанты слушали перевод, кивали головами:

— Ещё что?

— Больше не скажу ни слова.
— Что-о?!— завопил на неё переводчик.

— Вы плохие,— захныкала Люся,— не кормите. Пока не накормите, не скажу ничего. Много дадите — много расскажу...

Офицер что-то крикнул солдату. Через десять минут девочке принесли котелок с фасолью, виноград, конфеты. Люся всё съела и затараторила:

— Там, за холмами, много «катыш». Десять штук. Нет, больше...

Офицер что-то спросил у переводчика.

— Что такое «катыша»? — перевёл он Люсе.

— Красные гармошки по-вашему,— объяснила юная разведчица.

Офицер понял. И тут, как будто в подтверждение, из-за Волги раздалось: «У-у-у»... Стреляли «катыши». Теперь Люсин рассказ выглядел вполне правдоподобно.

Все бросились в укрытие. После обстрела Люсю посадили на машину, привезли в штаб в Лотошинском Саду и приказали никуда не отлучаться. 17 дней разведчица приглядывалась, прислушивалась, запоминала. Насчитала 16 походных кухонь. Каждая кухня обслуживает 250 солдат... Пересчитала машины, орудия.

Там она и стала «прачкой», там и встретила Таню.

...Вернувшись к своим, Люся написала подробное донесение и поставила свою обычную подпись: «Незаметная». Ее отпустили отдыхать, но через десять минут снова вызвали в штаб.

Перед ней стоял её командир капитан Ежов. Она бросилась на встречу, но остановилась под его суровым взглядом.

— Что за подпись? Откуда ты знаешь «Незаметную»? — спросил он.

— Это моя подпись. Неужели не узнаете? Я Люся Радына. Вы же сами меня послали на задание... Неужели забыли?

— Изобретаешь! Кто тебя прислал? — допрашивал капитан.

— Товарищ капитан! Разве вы

не помните, как сами завязали мне по-крестьянски платок и на прощанье сказали: «Зря не рискуй!»?

Капитан пристально разглядывал её. В измождённой девчонке он с трудом узнавал свою разведчицу. Потом бросился обнимать:

— Но ты же погибла на минном поле? Ничего не понимаю! — удивлялся Ежов.— После перестрелки наша разведка установила, что пошла ты в тыл противника как раз по минному полю. Значит, погибла...

— Нет, жива.— И Люся подробно рассказала о своей разведке. Данные были настолько ценные, что девочку сразу же отправили в разведотдел 62-й армии. Начальник разведки слушал и наносил всё на карту. Потом поблагодарил:

— Умница. Спасибо тебе, дочка!

Девчонка зарделась от смущения и, гордая похвалой, мгновенно распахнула ворот кофточки, выпустив на волю концы алого галстука. Вскинула над головой руку в пионерском салюте и звонко отчеканила:

— Служу Советскому Союзу!

— Откуда у тебя пионерский галстук? — неожиданно сердито спросил полковник.

— Это мой. Из Ленинграда привезла,— совсем смутилась девочка.

— И в разведку ходила с галстуком?

— Да! — совсем робко прошептала Люся.

Начальник разведки вскипел. Ему хотелось испепелить эту глупую девчонку. Но он сдержался и неожиданно мягко проговорил:

— Давай договоримся, дочка: перед уходом на задание галстук сдавать в политотдел! Он будет храниться вместе с партийными билетами коммунистов.

Неожиданный приказ

Люсю в отряде теперь считали бывалой. Командир посылал её на самые ответственные задания. И когда она возвращалась, первым делом рассказывал о положении

Этот день Людмила Владимировна (Люся Радына) тоже запомнит надолго. Её отряд стал победителем в пионерском соревновании и завоевал переходящий вымпел...

на Ленинградском и Волховском фронтах. Ведь это так интересовало Люсю!

Несколько раз Люся ходила в разведку в Городище узнавать расположение фашистских частей. В последний раз она еле доползла до своих. С трудом прошептала красноармейцу:

— Отправьте к капитану Орехову, срочно,— и потеряла сознание.

Очнулась в госпитале. Узнала, что её свалил тиф. И тут же потребовала:

— Везите к капитану Орехову!.. Очень важно!

Когда к ней приехали из разведки, Люся подробно рассказала всё, что удалось разузнать. А потом десять дней не приходила в сознание.

В госпитале сразу стало известно, что при смерти юная разведчица. К врачам ходили делегации раненых:

— Спасайте разведчицу! Из Москвы вызывайте специалистов,— требовали бойцы.

Врачи сделали всё, что могли.

Им удалось поставить Люсю на ноги. В день выписки из госпиталя Люся получила приказ: срочно, к двадцати двум ноль-ноль, явиться в Среднюю Ахтубу.

Тридцать солдат и две девочки-разведчицы стояли в строю. Их вызывали по одному в землянку.

— Радына! — услышала Люся свою фамилию. Бегом спустилась в землянку. За столом сидел генерал и ещё какие-то военные. Люся смутилась. Позабыла даже представиться как полагается. Молча стояла и смотрела на генерала.

— Девочка, что тебе? — удивлённо спросил её генерал.

— Я Радына! — еле выговорила от волнения Люся.

— А-а! Разведчица! Получай медаль «За отвагу»...

— Спасибо! Неужели это мне?.. За что?

Генерал и все военные не сдержали смеха: не часто они слышали на войне такой «гражданский» ответ при вручении награды.

Наверху её ждал капитан Ежов:

— Вот пакет. Доставишь в Луговую Пролейку.

— Для капитана Орехова? — спросила Люся.

— Нет. Секретарю райкома партии.

Люся не знала, что в пакете лежало письмо командира с просьбой взять девочку на воспитание и отправить её учиться в школу.

Нельзя ли увидеть капитана Орехова?

2 февраля 1943 года, в день, когда полностью освободили город на Волге, за Люсей в Пролейку приехала военная машина.

— Одевайся поскорее, Радына. Едем!

Её привезли на площадь Павших Борцов, прямо к трибуне. Там уже стояли генералы Чуйков и Ерёменко, Герои Советского Союза, многие защитники волжской твердыни. А вокруг необъятное людское море. Люся не успела прийти в себя, как услышала:

— Слово предоставляется ленинградской пионерке, бесстрашной сталинградской разведчице Люсе Радына...

Она вышла вперёд. Вздохнула и начала звонко читать свои стихи о двух славных городах, которые воспитали её, которые ей дороги больше всего на свете.

После митинга Василий Иванович Чуйков спросил у девочки:

— Ну-ка, скажи нам твоё самое заветное желание. Попробуем выполнить.

— У меня их три, — смутилась Люся.

— Давай все три, — согласился генерал.

— Первое — Победа. Второе — вернуться в Ленинград. Третье — познакомиться с капитаном Ореховым, по чьим приказам я ходила в разведку.

— Всё выполнимо, — засмеялся

Чуйков, — кроме третьего. Капитана Орехова не было. Это был пароль для разведчиков. — И, заметив разочарование девочки, добавил: — Да ты не огорчайся. В разведку-то ходила не для капитана, а для всей нашей армии. И за это от всех нас спасибо.

Прошло более двадцати лет. Люсю Радына, теперь уже Людмилу Владимировну Бесчастнову разыскивали следопыты сразу двух городов — Ленинграда и Волгограда. А когда узнали, что она живёт в городе на Неве и преподаёт во 2-й Василеостровской школе, заспорили: чья же она? Оба города считают её своей. А Людмила Владимировна, вспоминая слова генерала Чуйкова, отвечает: «Мы воевали для всех!»

Д. Минин

Подвиг рядового

*Рванулась цепь в атаку,
проламывая лёд...*

*Но лает,
как собака,
проклятый пулемёт!*

Упала в снег пехота.

*Вокруг —
Фонтанов взлёт.*

*Один упрямый кто-то
ползёт,*

ползёт...

*Позёмка вьётся,
вьётся.*

*В глазах —
багровый круг.*

*И сердце —
в горле бьётся!*

Сильней. Сильней...

*И вдруг
перед дрожащим дулом
он встал,*

неколебим.

*И пуля
повернула,
не устояв пред ним!*

Внучек Ковнака

Ещё накануне курсантам объявили, что в воскресенье они идут на экскурсию в Третьяковскую галерею. Это было неожиданностью: до последнего времени Третьяковка была закрыта. Но теперь, когда фашистов вовсю погнали с родной земли, знаменитый музей вновь распахнул свои двери.

Долго ходили курсанты по залам галереи. Когда до последних добрались, уже даже уставать начали. А там как раз выставка, посвящённая Великой Отечественной войне. Портреты героев, картины, изображающие боевые эпизоды, скульптуры воинов.

Чуть не целый зал был отведён героическим партизанам. С полотен на курсантов глядели могучие бородачи в полушубках и барашковых шапках, девчонки с винтовками и санитарными сумками.

Висел тут и портрет мальчика в шапке с яркой партизанской лентой наискосок. Парнишка в упор смотрел на зрителей. Внизу на табличке было написано: «Художник Ф. Модоров. „Федька-партизан“».

— Да ведь это же наш Ключев! — неожиданно воскликнул кто-то из курсантов: — Точно! Он же — Фёдор.

— Тащи его сюда! — подержали другие.

Курсант Фёдор Ключев был самым молодым среди товарищей.

— Узнаёшь? — спросили его.

— Узнаю... — засмутился Фёдор.

— Ты разве в партизанах был? — насели на него сразу. — Почему не рассказывал?

— А что рассказывать! Ну, был в отряде. Что особенного? Один я, что ли, был там...

Но как ни отбивался Ключев, вечером друзья заставили его поговорить.

Перед войной Федя жил с отцом, военным лётчиком, в Киеве. Мама у него умерла, и жили они вдвоём, управлялись

с хозяйством, как умели, по-мужски. Волей-неволей приходилось быть самостоятельным.

В первые же месяцы войны Федя и совсем осиротел. Отец не вернулся с боевого задания...

В квартире Ключевых в то время расположился штаб какой-то части. Федю тоже к солдатскому котлу на довольствие поставили. Приглядывать за мальчишкой взялся старший из офицеров штаба — Владимир Муратов.

Тем временем гитлеровцы вплотную подошли к Киеву. Наши войска вынуждены были оставить город.

Федя покинул Киев вместе с отрядом Муратова. Началась у мальчишки боевая жизнь.

В отряде скоро почувствовали, что «нянчиться» с «малолеткой» никому не придётся. С первого дня он показал, что «обузой» для бойцов не будет. Федя уже привык и к бомбёжкам и к неожиданным перестрелкам. Вначале он подносил бойцам гранаты и патроны. Потом сам научился стрелять и метать «лимонки». Позднее, когда отряд попал в окружение, Федя стал выполнять к шоссе и автострадам, наблюдая из-за кустов за движением противника, докладывал командиру. Муратов уже не боялся посылать его в сёла и хутора. Так и стал Федя опытным и осторожным разведчиком, не уступавшим ни в чём взрослым бойцам муратовского отряда.

Как ни пробивался отряд,

выйти из кольца окружения не удавалось. А ряды бойцов таяли в постоянных стычках. Поэтому великой радостью для муратовцев был тот день, когда в дремучих лесах набрели они на партизанскую группу Петра Васильевича Лукьянченкова. Так все муратовцы стали партизанами, а вместе с ними и Федя Ключев.

Лукьянченков был человеком осмотрительным. Прежде чем пристроить Федю к какому-нибудь делу, долго приглядывался к мальчишке. Федя определённо пришёлся ему по душе. Не трус и на рожон не лезет, не велик, а крепок, вынослив, к тому же наблюдателен, память хорошую имеет. Быть ему разведчиком — решил командир. И не просчитался.

До войны Федя был самым настоящим горожанином. А тут так ловко стал деревенских мальчишек «играть», что взрослые только диву давались. Часто ходил он в разведку вместе с Валей, тоже «малолеткой». Федя высматривал, что происходит в деревне, подсчитывал количество фашистских солдат, запоминал дома, где они квартировали. Обо всём этом он передавал сидевшей в кустах Вале, работавшей за связную. Еле заметными тропками она пробиралась обратно в отряд и передавала всё, что говорил Федя.

Вскоре Федя освоил все партизанские специальности: научился закладывать взрывчатку под железнодорожные рельсы, умел незаметно под-

ложить мины на шоссе, был хорошим проводником в любой густой чаще.

Однажды стало известно, что фашистская комендатура села Медвенка в Курской области составила списки молодёжи для угона в Германию. Через день должен был прибыть эшелон за «русскими рабами». Надо было помешать гитлеровцам выполнить их чёрное дело. А для этого прежде всего нужно уничтожить списки. Но как это сделать? Списки в комендатуре, нелегко, почти невозможно туда проникнуть. Как быть?

Сил у партизан в это время было мало. Тут надо было брать не числом, а умением. Времени оставалось тоже в обрез, надо было действовать как можно скорее.

И вот к комиссару группы являются Федя Ключев и его дружок Володя Ткачёв.

— Товарищ комиссар, — тихо говорит Федя, — рядом с комендатурой находится склад боеприпасов. Если взорвать этот склад, сгорит и комендатура.

— Придуманно хорошо, только кто же будет взрывать? — спросил комиссар.

— А вот мы...

— Кто это мы?

— Володя Ткачёв и я...

Вначале комиссар не соглашался. Операция очень рискованная. Но ребята уговорили его.

В ночь под Новый год бушевала сильная пурга. Хоть и нелегко было пробираться сквозь сплошной снегопад, но

и на руку было это разведчикам. В снежной мгле ребята добрались до площади, где находился склад.

Фашистские часовые стояли, как чучела, на пронизывающем, леденящем ветру. Поверх награбленных тулупов они натянули рогожи, на валенки навернули солому. В таких «доспехах» не пробежишь и десятка шагов! А это было партизанам кстати.

Всего сто метров отделяли их от склада. Но эти сто метров были на виду у часовых. Два часа потребовалось ребятам, чтобы преодолеть эту «стометровку». У самого склада, зарывшись в снег, снова пришлось выжидать удобного момента. И вот она, долгожданная минута. Часовые зашли за угол склада перекурить. А Федя и Володя, выпрямившись во весь рост, метнули в склад бутылки с горючей смесью и тут же кинулись бежать. Часовые даже не успели открыть огонь, как раздался страшный взрыв. Склад, а вместе с ним и комендатура взлетели на воздух.

...Да разве одно такое дело на боевом счету Феде Ключеву? Четыре раза переходил линию фронта, доставляя из партизанского отряда секретные данные для командования советских воинских частей. Потом умудрялся пронести в сёла листовки, полученные с «большой земли»; служил проводником для освобождённых партизанами советских военнопленных, когда их переправ-

ляли через линию фронта; не раз отбивал отчаянные атаки гитлеровцев и лично уничтожил тринадцать фашистов. Позднее ему довелось вместе с медицинской сестрой Аней Соломоновой переправлять через линию фронта большую группу раненых партизан.

Однажды в расположение партизан прилетел краснозвёздный самолёт. Доставил он различные грузы и пакет для командира. В пакете оказался Указ о награждении Фёдора Ключева орденом Красная Звезда и сам орден.

Командир приказал построиться всем партизанам. Перед строем по команде «смирно» лицом к своим старшим товарищам стоял Федя. В торжественном молчании был зачитан правительственный указ, а затем командир прикрепил к груди юного героя боевой орден.

Когда Советская Армия перешла в решительное наступление и были освобождены районы, где действовала партизанская группа Петра Лукьянченкова, партизаны вышли из лесов. Свой долг перед Родиной они выполнили сполна.

— Что будешь теперь делать, Федя? — спросил своего любимца командир.

— Как что? Враг ещё не побит, воевать буду.

— Так ведь партизанская группа расформируется...

— А я в армию пойду.

— Ещё вопрос, возьмут ли тебя?

— Как не возьмут, ведь я же разведчик, — уверенно ответил Федя.

И его действительно взяли. В марте 1943 года доброволец Фёдор Ключев был внесён в списки 2-го дивизиона 138-го гвардейского артиллерийского полка в качестве разведчика. Он сражался в великой битве на знаменитой Курской дуге.

А потом командование всё же решило: хороший офицер выйдет из этого умного и храброго паренька. Только для этого надо учиться. И поехал Федька-партизан в Москву, в военную школу...

— А как же ты на портрет попал?

— Пришёл я как-то в Центральный штаб партизанского движения в Москве. Там находились в то время мои старые друзья из группы Лукьянченкова. И как раз туда пришёл художник Федор Алексеевич Модоров. «Давай, говорит, на-

пишу с тебя портрет». По правде говоря, я смутился. Что я особенный, что ли? Без меня сколько героев есть... Нет, говорю, не стоит меня рисовать. Тут ему и старые мои друзья помогать стали. Одним словом, уговорили меня позировать. А то, что этот портрет попал в Третьяковку, я и сам не знал. С вами впервые его и увидел.

...Командиры не просчитались, увидев в Федьке-парти-

зане будущего отличного офицера. Фёдор Ключев закончил Военную академию и по сей день служит в рядах Советской Армии. Став уже совсем взрослым человеком, встретился он в Кремле с самым знаменитым партизаном Сидором Артемьевичем Ковпачком. Фотокорреспондент и заснял партизанского деда и одного из его храбрых внучат. Эту фотографию мне прислал майор Фёдор Ключев.

Мы—советские люди

(К фотографиям на 2-й и 3-й страницах обложки)

БЫЛО раннее утро. Солнце только-только поднялось из-за края земли. Первыми его увидели птицы и встретили новый день песней. Рассветный ветерок принёс с лугов запахи цветущего лета. В этот час миллионы людей ещё спали. Им предстоял самый длинный в году выходной день. Он обещал быть солнечным, весёлым, счастливым. Начиналось 22 июня 1941 года...

В 4 часа утра кованый сапог немецкого фашизма ступил на советскую землю. Он уже подмял под себя почти всю Европу, и нигде не получил твёрдого отпора. Гитлеровские головорезы были уверены в своей непобедимости. И теперь, вероломно напав на Советский Союз, рассчитывали одним ударом поставить на колени нашу Родину.

В грозный час над страной пронёсся клич: «Родина в опасности! Родина-мать зовёт!» (№ 2). И миллионы сердец откликнулись на этот зов, миллионы рук протянулись к оружию. Так было во всей стране, так было и в Ленинграде. У дверей военкоматов толпились мальчишки, которые старались казаться старше, и старики, которым хотелось выглядеть помоложе. У них была только одна просьба: «Пошлите на фронт!» Ни страха, ни растерянности. Одно желание — бить врага до конца, до победы.

Даже в самые тяжёлые дни советские люди не сомневались, что заклятый враг будет повержен. И шли колонны ленинградцев мимо бронзовой фигуры Ильича, мимо памятника Кирову (№ 1), мимо святых могил Марсова поля. И вставали грудью к свинцовому ветру моряки седой Балтики (№ 3). И звала в бой песня-клятва, словно услышанная её авторами в гуле сердец:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой...*

С этой песней шли на фронт. А фронт огненным валом всё ещё натиснул в глубь Советской страны. Оставались за его чертой женщины, старики, дети. Фашистская неволя... Что может быть горше этой участи! Что может быть страшней доли этих ребятишек (№ 5), брошенных за колючую проволоку концлагеря!

Партия послала на фронт больше половины своих сыновей и дочерей. И там, под свистом пуль, в их ряды становились всё новые и новые бойцы. «Прошу считать меня коммунистом». Сколько раз были повторены эти слова в коротких заявлениях, написанных перед боем (№ 4)! А потом — в атаку. Свинцовый шквал прижимает к земле атакующих. Кажется, никакая сила не может их оторвать от спасительного укрытия. Захлебнётся атака — сорвётся наступление, победит враг. Но есть ещё в запасе у командиров и комиссаров последняя команда: «Коммунисты, вперёд!» И тогда, совершив невозможное, поднимаются навстречу ревущему металлу такие же, из плоти и крови, люди, выпрямляются, делают первый шаг (№ 7). И вот уже встаёт за ними рота, батальон, полк. Катится над вражескими траншеями русское «ура!». А тот, поднявшийся первым, лежит посреди отвоёванной земли, и кровь густеет на пробитом пулей партийном билете... Меньше стало в роте коммунистов. Нет, больше! Потому что перед новой атакой новые бойцы напишут эти же слова: «Прошу считать меня коммунистом...»

«В этой стране все большевики, даже дети», — поразился один гитлеровский генерал. Он был не глуп, этот воин, он сумел понять, чем отличается советский народ. Война Советского Союза против фашистской Германии не была обычным поединком двух армий. Это была Великая Отечественная война всего нашего народа с общим врагом. Был бойцом этот юный разведчик (№ 6). Были бойцами эти женщины, которые в тылу, недоедая и недосыпая, ваясь от усталости с ног, каждый день ковали нашу победу (№ 8). Матери сами посылали в бой своих сыновей, вчерашних школьников (№ 9). И горела земля под ногами оккупантов. За сотни километров от фронта, в тылу, ежеминутно подстерегала их кара народных мстителей — партизан: летели под откос поезда (№ 10), горели склады, бесследно исчезали боеприпасы.

Страна остановила фашистские полчища, а потом повернула их вспять. Наступление! Это слово звучало для бойцов как музыка. В отбитой у немцев траншее, едва остынув от боя, они глядели на запад, на багровую полосу зари, сливавшуюся с пламенем пожаров, и нетерпеливо спрашивали: «Сноро ли?!» (№ 11). Наступление! Слово крылья выросли за плечами. И нет таких преград, которые могли остановить солдат со звёздами на пилотках. И колючая проволока (№ 12), и реки (№ 13), и ко-согоры (№ 15) — всё оставалось позади. Входили бойцы освободителями в города и сёла. С надеждой заглядывали в дома: живы ли родные? Ребёнок на руках солдата... Вот для этого шли они сквозь смерть, сквозь все испытания войны (№ 14).

Советская Армия неудержимо рвалась на запад. А колонны гитлеровских войск брели на восток. Нет, не так, как в 41-м, не так, как им хотелось. Много раз битые, они потеряли всю свою спесь (№ 16). Они научились поднимать руки и предупредительно кричать: «Гитлер капут!»

Этих «непобедимых» приводили в панический ужас залпы наших «натюш» (№ 17). Советских моряков оккупанты называли «чёрной смертью». Впрочем, любая смерть была для них чёрной на нашей земле, потому что чёрным было их неправое дело. А моряки входили победителями в родные порты. И вот уже снова свободен герой Севастополь (№ 18).

По всему фронту гнала советская армия фашистскую нечисть. Давно ли гитлеровцы хвалились перед всем миром, что они уже стоят у ворот Ленинграда, что со дня на день он сам падёт к их ногам. А потом уносили ноги, оставляя за собой брошенные орудия и вот такие дорожные указатели (№ 19). Не покорился и никогда не покорится любому врагу город Ленина. Устояла гордость Родины — Москва. А вот фашистская столица не выдержала могучих ударов красной армии. И вот уже раздавлено змеиное гнездо фашизма, последняя надежда Гитлера и его своры — рейхстаг (№ 20). Сколько километров прошёл этот простой русский солдат, сколько пуль, снарядов и бомб целил в него враг! А он жив, он стоит у рейхстага, как символ Победы, как предостережение поджигателям новых войн: одумайтесь, пока не поздно! Мы — советские люди, с нами шутки плохи.

Ликовала освобождённая Европа (№ 21). Её народы начинали новую жизнь. А воины Страны Советов, закончив свой ратный подвиг, возвращались домой. Они шли по улицам родных городов, и спасённая ими весенняя земля щедро осыпала их цветами (№ 22).

Несколько фотографий военных лет. Страницы истории. Истории, которая всегда останется живой в благодарной памяти человечества.

ЗА НАРВСКОЙ заставой формировалась дивизия народного ополчения. С четвёртым рабочим полком ушёл навстречу врагу и начальник цеха Михаил Логинович Сазонов.

Нельзя было поступить иначе. Подростком пришёл он на Кировский завод. Потом окончил ФЗУ, осваивал специальности токаря, слесаря, фрезеровщика. Вторым домом стал для него цех. И вот враг шёл на него войной.

Из-под Кингисеппа М. Л. Сазонова отзывали обратно: хорошие специалисты нужны были и в тылу, победа ковалась и в цехах заводов.

Рабочий и воин писал стихи. Сейчас у Михаила Сазонова уже шесть книг. Много в них стихов о труде, о рабочем классе. А среди новых — «Баллада об огне», поэтический рассказ о друге, погибшем на защите Ленинграда.

М. Сазонов

Линогравюры П. Вискова

Баллада об огне

(Посвящается защитникам Ленинграда)

За Нарвской — фронт.
В немом прищуре дзота —
Осколки льда,
Застывший луч луны..
Осатаневший хохот пулемёта
Доносит ветер с вражьей стороны.
А очередь похожа на удава,
Ползёт у хлебной лавки,
Бьёт хвостом.
В лощине на окраине заставы
Дымит стервятник, меченный
крестом.
Окован снег блестящим, хрустким
настом.
От ледящей стужи белобров.
В метель солдат шагает
коренастый,
Дружище мой,
Напарник мой Петров.
Лицо в морщинах, — не узнать
Алёшку, —
Вихрастая в сединах голова..
А ведь всего-то
В первую бомбёжку
Ему семнадцать минуло едва.
В цех на побывку отпустила рота.
Шагов торопких ветру не унять.
Солдат спешит.

...Скрипит снежок, —
 Спешит обратно в роту
 Дружище мой,
 Напарник мой Петров.
 Нас обходили слева,
 Били справа,
 В железное кольцо зажать грозя.
 За нами город,
 Нарвская застава,
 А это значит — отступить нельзя.
 В волнах повёртки бешеной

по пояс,
 От нас в двух километрах,
 впереди
 Чернеет угловатый бронепоезд
 С четырёхлапым знаком на груди.
 Дрожит земля, наполненная гулом,
 Вязжит свиней, — не высунь

головы.
 Огонь орудий серых, длиннодулых
 Простреливает город у Невы.
 И всё вокруг
 Огнём и дымом дышит.
 Летят к заставе тысячи смертей...
 Петров к земле прижался,
 Сердцем слышит

Обвалов грохот,
 Крик и стон детей...
 Зажглись,
 Сверкают из-под хмурой каски
 Два синих,
 Два бесстрашных огонька,
 Гранат противотанковых две

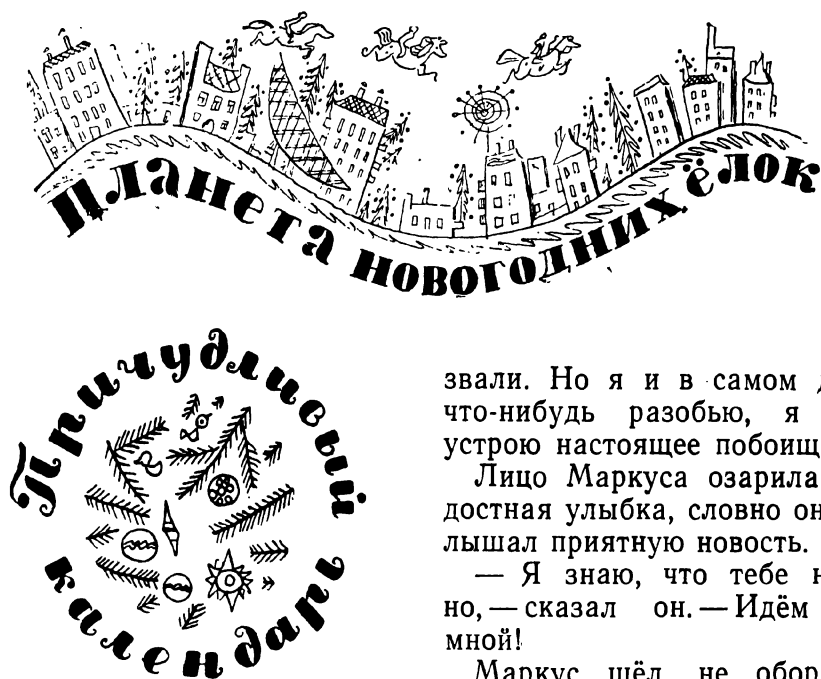
связки

Ощупала у пояса рука.
 Ударила в лицо метель слепая.
 Но глаз не потушить,
 Глаза горят...
 Ползёт, в снегу багровом утопая,
 Навстречу бронепоезду солдат.
 И видел Ленинград,
 Как над откосом
 Взметнулся вихрь железа и огня.
 В снегу дымятся мёртвые колёса.
 Разорванная чёрная броня.
 Разбуженное взрывом
 Солнце встало,
 Простёрло вдаль на запад
 Луч утра.
 Оно нам путь атаки указало.
 В штывы рванулось
 Русское «ура-а-а!»
 Отбит «Пишмаш»,
 Высотка с ходу взята.
 Сметая звенья вражьего кольца,
 Идут солдаты,
 Гвардии солдаты,
 Глазами всюду ищут храбреца.
 В разорванной осколками шинели
 Лежит Петров.
 Друзья, склоняясь, стоят.
 Снежинки на лицо его присели,
 Не шелохнутся, таять не хотят.

* * *

Ушла война.
 Осталась песни славы.
 Высоких строек шумные леса
 Родимая рабочая застава
 Взметнула прямо к солнцу
 в небеса.

Посёлок вырос.
 Сад шумит тенистый
 На той земле, где мы вели бой.
 Весёлой трелью,
 Звонким пересвистом
 Нас на работу будят соловьи.
 На заводском дворе,
 Где всё открыто
 Зелёному дыханию ветров,
 Стоит в шинели серой из гранита
 Дружище мой,
 Напарник мой Петров.

— Как тебя зовут? — спросил он у него.

— Маркус.

— Берегись, ты у меня схлопочешь!

— В твою честь. До вчерашнего дня меня звали Юлиусом. Мне поручили тебя встретить и быть твоим провожаемым. Я считаю, что мне повезло, и очень рад с тобой познакомиться.

— А я, — не выдержал наконец Марко, — так рад, что с удовольствием залепил бы тебе по физиономии. С ума можно сойти: берут в плен, не удосуживаются ничего объяснить, бросают с ребёнком из детского сада, и поминай как

звали. Но я и в самом деле что-нибудь разобью, я тут устрою настоящее побоище!

Лицо Маркуса озарила радостная улыбка, словно он услышал приятную новость.

— Я знаю, что тебе нужно, — сказал он. — Идём со мной!

Маркус шёл, не оборачиваясь, а Марко плёлся вслед за ним. Стоять или идти — теперь ему было всё равно. Они миновали лётное поле, пробираясь сквозь толпу людей в пижамах и домашних туфлях. У всех у них был такой вид, будто они греются на солнышке у себя дома на террасе. Космический вокзал представлял собой длинное узкое здание: это было первое здание, увиденное Марко на новой планете. Ничего особенного, самое обычное сооружение из кирпича и стекла. Единственная причуда — горшочки на окнах; в таких горшочках на Земле мы выращиваем герань и другие комнатные цветы, названия которых, как правило, никто не помнит, но здесь в горшочках стояло множество крохотных новогодних ёлок.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4 за 1965 г.

Да, да, не просто ёлок, а настоящих новогодних ёлок, украшенных гирляндами и искусственным снегом, золотыми звёздами и разноцветными лампочками. «Вчера было

23 октября, мой день рождения, — с удивлением подумал Марко, — неужели здесь так рано начинают готовиться к Новому году?»

Сразу за космодромом на-

чинался город. Он начинался, как начинаются все города: дома, улицы, площадь. Дома встречались высокие и низкие. Скорее низкие, чем высокие, и виднелись, пожалуй, не столько дома, сколько сады, но в общем ничего примечательного, не будь — снова! — этих преждевременных признаков Нового года.

По обе стороны бульвара, разбитого в центре города, возвышались два нескончаемых ряда ёлок, и на их ветках переплетались золотые и серебряные гирлянды, сверкали звёзды, лампочки и блестящие красные, жёлтые, голубые шарики. Одним словом, самые настоящие новогодние ёлки.

— Прости, — спросил Марко, — какой сегодня день?

— Новый год, — весело ответил Маркус.

«До чего ж я глупый, — подумал Марко. — Забыл, что на этой планете совсем другой календарь. На Земле сегодня 24 октября, а здесь, наверное, 1 января».

Маркус тем временем подошёл к площадке, которую можно было бы назвать стоянкой маленьких деревянных лошадок, выбрал одну лошадку с двухместным седлом и предложил Марко сесть на неё верхом.

— Хватит с меня шуток, — заметил предостерегающе потомок древних римлян, у которого с деревянными лошадками были теперь свои счёты.

— И вовсе я не шучу! Это ведь наши автоматы. Наш автотранспорт.

— Такси? — проворчал Марко. — А где водитель? Короче говоря, кому платят за проезд?

Маркус, не переставая улыбаться, вытарашил от удивления глаза:

— За что платить? Автотранспорт принадлежит всем. Кому нужно, тот пользуется, вот и всё.

Деревянная лошадка без толчков и без шума тронулась с места и полетела, плавно покачиваясь в ласкающе-тёплом воздухе. Как раз в этот самый момент Марко обратил внимание на явление, которое ещё раньше должно было его удивить: в Новый год он находился на улице в одной пижаме и у него не отмёрзли пальцы! Но тут мальчика выручили его скромные познания в географии, напомнив, что на Земле тоже есть страны, где в Новый год жара, как в Италии в июне. И всё же сомнение закралось к нему в душу и не покидало до тех пор, пока другие впечатления не захватили его целиком.

— Магазины открыты! — воскликнул он.

— Они всегда открыты, — ответил Маркус.

— Но ведь Новый год!

Маркус промолчал.

«Эта планета здорово меня раздражает, — ворчал про себя Марко. — Деревянные лошадки вместо такси, и магазины открыты в Новый год. Попробуй тут разберись!»

Дома вдоль бульвара были чистыми и нарядными. На каждом балконе, на каждом подоконнике стояли новогод-

ние ёлки с затейливыми украшениями. Муниципалитет, если в этом была его заслуга, сделал доброе дело: города более новогоднего невозможно было встретить, разве только в сказке. И одно лишь производило странное впечатление: люди ходили по магазинам. Но, по видимому, сегодня не самый Новый год, а только канун Нового года, допустим, 27 декабря? Ведь ёлки украшаются задолго до Нового года.

— Маркус! — позвал он, желая убедиться в своей правоте.

— Что?

— Вчера какой был день?

— Новый год, — ответил Маркус, не раздумывая.

«Ну, конечно, — мысленно обрадовался Марко, — я так и знал. Раз магазины открыты, не может быть Нового года: Новый год был вчера. Но проверим теперь по-другому».

— Маркус, какой день будет завтра?

— Новый год, я тебе уже сказал.

Наступило молчание.

— Ведь Новый год был вчера!

— Вчера, сегодня, завтра, каждый день. У нас Новый год каждый день.

— О!.. — воскликнул Марко, преисполненный отчаянья. — В таком случае я — трамвай, а мой дедушка гусеница... Здесь вы только и знаете, что смеяться надо мной! Раньше я обещал тебе залепить оплеуху, и, кажется, я исполню своё обещание.

— Скоро мы приедем, потерпи немножко.

— Но куда ты меня везёшь?

— Устраивать побоище.

Марко не знал, что ответить. К тому же они прибыли. Примерно посреди бульвара на широкой площадке, украшенной высоченными новогодними ёлками, возвышалось внушительное здание. На фасаде его красовалась огромная реклама: «Большой базар Спаккатутто». А над дверью вывеска поменьше: «Вход свободный в любое время дня и ночи».

— Тебе повезло, — объяснил Маркус. — Дворец восстановили два дня назад, и люди только-только начали его разрушать. Попал бы ты сюда через неделю, и на твою долю пришлось бы одни черепки.

Они поставили деревянную лошадку на панели, рядом с другими такими же лошадками, и вошли во дворец.

Если верить рассказам Маркуса, дворец был построен в прошлом веке благодаря одному знаменитому астроботанику. Этот светоч науки, обладавший способностью описы-

вать в совершенстве растительный мир самых далёких планет, не выходя из своего кабинета, кроме того, был умным отцом семейства. Однажды, заметив, что его дети проявляют непреодолимую склонность ломать вдребезги всё, что попадёт в руки, астроботаник подарил им вместо обычных игрушек несколько сот дешёвых тарелок.

Детей было двое. Работая в четыре руки и в четыре ноги с восхода до заката, они разбили эту гору посуды почти за пять дней, раскрошив её до такой степени, что последний осколок можно было принять за сломанный ноготь. Под конец операции у них полностью пропала охота что-либо ломать и впоследствии не вернулась. Отец описал эксперимент в газетах, доказывая при помощи цифр, что благодаря небольшой партии тарелок он добился значительной экономии, если учитывать бюджет будущих лет, поскольку остались в целости предметы домашнего обихода, игрушки, мебель, средства передвижения, пол, окна и т. п.

«Почему бы, — задавал он вопрос, — не применить подобную систему в широком масштабе? И потом — можем ли мы утверждать, будто только дети испытывают время от времени неудержимую потребность что-нибудь разбить? И не потому ли мы, взрослые, никудышные граждане, что не располагаем возможностью свободно тренировать наши мускулы, в то время как уголь,

дрова, камни и атомы расщепляются машинами? И т. д. и т. п.».

Статья вышла очень длинной и убедительной. Спустя пятнадцать дней Большой базар Спаккатутто был уже готов и представлен для разрушения: многоэтажное здание, уставленное всевозможной мебелью, наполненное до отказа посудой. Всё предназначалось для разрушения и уничтожения: тарелки, стаканы, ковры, мебель, двери, окна. На слом шли также крыша, черепица и стены, начиная с верхнего этажа.

Дети приходили с учителями в установленные дни и ломали всё что хотели. Взрослые посещали Большой базар Спаккатутто только когда их одолевало плохое настроение, тоска или желание поссориться. Им предоставлялось, конечно, всё самое крепкое: крыша, стены и фундамент. Разбивая фундаменты, они трудились больше, чем рабы Египта над сооружением пирамид; зато под конец, когда усталость и одышка вынуждали их прекратить работу, к ним снова возвращалось весёлое настроение, и по меньшей мере лет десять они не испытывали потребности с кем-нибудь поссориться или швырнуть на пол пепельницу во время семейного спора.

Экономистам, располагавшим цифровыми данными (подсчёты, правда, производились электронными счётно-вычислительными машинами), удалось доказать, что полное разрушение дворца позволяло сэкономить сумму, в сто раз превосходившую стоимость дворца путём сохранения в целости предметов домашнего обихода и строительных материалов. И повышало на 28,51 процента уровень гражданского настроения. Одним словом, это было выгодное помещение капитала.

Поняв, в чём дело, Марко принялся за работу. В нём накопилось довольно много злости, и, несмотря на бессонную ночь, он чувствовал себя в форме. Первым долгом Марко взялся уничтожать большой шкаф, орудуя топором, молотком и велосипедным насосом: любой инструмент годится для завершения работы, в которую вложено много страсти.

Со всех сторон из просторных гостиных доносились смех и грохот: по меньшей мере пятьсот ребятишек под руководством учителей и родителей трудились над уничтожением дворцовой обстановки.

Часа за два Марко ликвидировал помимо шкафа гостиную и три спальни. Покидая Большой базар, он был в хорошем настроении и больше не сердился на Маркуса.

На улице царила успокоительная тишина. Марко, навострив уши, не удавалось уловить ни грубых, ни резких звуков. Он слышал голоса людей, которые разговаривали оживлённо, но вместе с тем спокойно. Деревянные лошадки, обслуживающие население, передвигались бесшумно, словно лодки по воде.

Перемещались, не двигая ногами, пешеходы: дело в том, что в городе тротуары двигались сами по себе: стоило встать на тротуар, и тебя перевозили из одного квартала в другой. Здесь стояли скамейки для прохожих, которым предстоял долгий путь, и для старичков — ведь даже на этой странной планете они больше всего любят проводить время, сидя на скамейках.

«О! — подумал вдруг Марко. — Вот бы такую самоходную скамейку, да вдобавок бесплатно, моему дедушке, который проводит дни на этих дурацких земных скамейках, всегда стоящих на одном месте! С какой радостью катались бы римские пенсионеры, сидя на скамейке, целый день от Колизея до Джаниколо, от

Всемирной выставки до Монте Марио. Например, если бы устроили такой движущийся тротуар на площади Пантеона и он день и ночь ездил бы вокруг Ротонды, я думаю, дедушка никогда не вставал бы со скамейки. Бедный дедушка! Интересно, что он сейчас делает?»

Эта мысль, однако, напомнила ему, что по вине деда и его деревянной лошадки он очутился один в неизвестно какой точке Млечного Пути, а может быть, ещё дальше, далеко-далеко от Тестаччо и от самых дорогих друзей. Злость, которая уже почти было прошла, снова закипела у него в груди.

— Я хочу есть, — сказал он, прерывая бесцеремонно объяснения Маркуса.

— Чудесно. Я тоже хочу есть. Поедем в ресторан.

Они встали на движущийся тротуар и молча поехали мимо магазинов, в которых было полно народа. Кстати, им встречались люди только в пижамах. Казалось, здесь не носили другой одежды.

«Правда, ходить в пижаме и в домашних туфлях очень удобно, но целый день гулять в таком виде по городу, помо-ему, неприлично. Но меня это не касается: ведь ходят же по улицам в масках! Какое мне дело? Я вовсе не собираюсь тут прожить всю жизнь!»

Марко всячески пытался составить себе плохое мнение о странной планете, но, несмотря на усилия, ему не всегда это удавалось. Кто станет отри-

цать, что бесплатные такси и самоходные скамейки очень удобны! А новогодние ёлки невольно доставляли ему радость. И, конечно, воздух здесь был тёплый, мягкий, даже ароматный.

«Кажется, будто весна и ты находишься в цветущем саду».

Хотя на самом деле тротуар двигался между двумя рядами домов и нарядно украшенных витрин.

Вдруг Марко обнаружил ещё одну странность: витрины были без стёкол. Может быть, климат здесь чересчур мягкий? Но разве это не опасно? И не служит ли поощрением для воров? Когда тротуар проезжал мимо фруктовой лавки, словно в доказательство его правоты, какой-то синьор протянул руку к витрине, схватил большую кисть винограда и принялся не спеша класть себе в рот виноградинки одну за другой. Вокруг никто не обратил на это внимания.

Вскоре достопочтенный старичок встал со скамейки и подошёл к самому краю тротуара, будто собирался сойти с него. Но он вовсе не сошёл с

тротуара. Старичок внимательно смотрел вперёд, словно в ожидании кого-то или чего-то, а когда тротуар проезжал мимо газетного киоска, он протянул руку, схватил с прилавка на лету толстый иллюстрированный журнал, посмотрел на дату, желая убедиться, что номер свежий, снова сел на скамейку, нацепил очки и принялся самозабвенно читать.

«Честный человек, нечего сказать, — подумал Марко, всё более возмущаясь. — Даже проверил дату, боясь, не достался ли ему номер за прошлую неделю! Неужели я попал в страну воров? Маркус тоже видел и промолчал».

До прибытия в ресторан произошло нечто ещё более ужасное: тот же самый старичок, который взял журнал, снова встал (до чего беспокойный субъект!), подошёл к Маркусу и, улыбаясь, попросил его об одном одолжении:

— Молодой человек, мне нужна сигара, но я боюсь — не успею схватить, не сходя с тротуара. Вы не могли бы взять для меня сигару в ближайшем табачном киоске? Там в витрине выставлены чудесные сигары: я видел вчера, проезжая мимо.

— С удовольствием, — ответил Маркус.

Прохожие вокруг них улыбались.

— Обратите внимание, — вмешался синьор с виноградной кистью. — Сигару лучше брать не слишком тёмную и не слишком светлую.

— Благодарю за совет, — сказал Маркус. — В сигарах я плохо разбираюсь.

Тут он повернулся, потому что витрина табачного киоска была в нескольких шагах. Маркус протянул руку и схватил не одну, а сразу две сигары.

— О, вы очень любезны! — заявил старичок.

— Теперь у вас есть выбор! — оправдывался Маркус.

— В любом случае, благодарю.

Старичок выбрал одну сигару, другую сунул себе в карман и вернулся на скамейку, где оставил украденный журнал, чтобы сохранить за собой место.

Марко затаил дыхание. Если он попал в воровскую шайку, лучше не впадать в панику и держать себя как ни в чём не бывало.

— Мы приехали, — объявил в этот момент Маркус.

Они спрыгнули с тротуара и вошли в ресторан.

На первый взгляд Марко не увидел здесь ничего особенного. На стенах висели объявления, в которых посетителям предлагалось отведать фирменные блюда здешней кухни.

(Продолжение следует)

КАЛАЧИ

Парижанин,
веснушчатый мальчик Жано,
у витрины застыв,
смотрит жадно в окно.
Ничего ещё наш парижанин
Не ел,
и росинки во рту
он с утра не имел.
Отпускает товар
здоровенный усач.
Тут Жано подошёл:
— Сколько стоит калач? —
Толстый булочник
выручку в кассе считает,
покупателю юному
так отвечает:
— За одиннадцать су можешь,
мальчик, взять дюжину! —
Засмеялся Жано:
— Значит, нынче я с ужином!
Если я, предположим,
отдам десять су,
то одиннадцать штук я домой
принесу.
Ну, а если я девять сполна
заплачу,
то я целый десяток на них
получу!
Я за восемь монет
калачей возьму девять,
а за семь —
восемь штукек отпустите мне
ведь?
Вы за шесть — несомненно —
дадите мне семь.
За пять — шесть.
Я тотчас же охотно их съем!
За четыре монеты будет пять
калачей,
и четыре за три — на ладони
моей.
За два су даст мне булочник
три калача.

За одно я, конечно, с двумя
выпью чай.
Ни гроша за один взять не смеет
усач —
Ну вот я и беру себе этот калач!

Бессмертные имена

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года, а первая почтовая марка, посвящённая великой битве за Родину, вышла в свет в августе, почти два месяца спустя. Теперь эта маленькая, очень скромная на вид, отпечатанная красной краской марка является большой редкостью. Счастливыми могут считать себя те, кто в своём альбоме имеет этот почтовый знак.

Марку эту изготовил художник Корецкий, и она имеет вид крохотного плакатика. На нём изображён молодой боец в шлеме, с винтовкой на плече. К нему прильнула старушка-мать, провожающая сына в бой на защиту родной земли. Тяжело ей расставаться с сыном, но старая женщина, заглушая боль сердца, говорит священные слова: «Будь героем!»

Почему же эта марка стала такой большой редкостью, почему она так высоко ценится коллекционерами? Миллионы людей в самом начале войны были призваны под ружьё. Но на письма, посланные воинами, не требовалось наклеивать никаких марок. И все письма, которые шли к бойцам, также были освобождены от почтовой оплаты. Нужда в почтовых марках стала очень маленькой. Поэтому марку «Будь героем!» выпустили в небольшом количестве. Она почти сразу же разошлась. И теперь надо потратить немало трудов и терпения, чтобы достать для своей коллекции эту редкость.

А пламя священной войны разгоралось всё более и более. Каждый день газеты и радио называли имена новых героев. Советская почта

тоже увековечила их легендарные подвиги на марках.

В самом конце 1941 года поступила в обращение новая серия, состоявшая из пяти марок. На них художники поместили портреты героев, чьи имена были на устах всего народа. С маленьких четырёхугольников на нас глядели родные лица двух отважных лётчиков Гастелло и Талалихина, легендарного генерала Доватора, двух юных партизан — Зои Космодемьянской и

Шуры Чекалина.

Рядом с портретами отважных художники поместили Золотые Звёзды Героев Советского Союза, которыми Родина наградила б е з з а в е т н ы х храбрецов. Большую часть каждой марки зани-

мают сцены из боевой жизни героев. Если возьмём лупу, то на маленькой марке мы увидим настоящую картину, ярко рассказывающую о подвиге.

Вот марка, посвященная молодому лётчику Виктору Талалихину. Слева от портрета юного сокола мы видим грозную картину ночного воздушного боя. Внизу прочерчиваются контуры большого города. Это столица нашей Родины — Москва. Сюда подкрадывались фашистские бомбардировщики, чтобы сбросить свой смертоносный груз

на жилые кварталы огромного города. Ночное небо исполосовано шарящими лучами прожекторов. Враг обнаружен. Нет, не дойдёт он теперь до нашей столицы. Путь ему преградил смелый советский ястребок, за штурвалом которого находится лётчик-комсомолец Виктор Талалихин! Бой завязался на высоте около пяти тысяч метров. Совсем близко подошёл к фашисту наш истребитель. Виктор

нажал на гашетки пулемёта. У фашистского стервятника начинает дымить мотор, он поворачивает обратно. Но Талалихин не хочет выпустить его живым. Тут, на беду, иссяк у нашего лётчика боезапас, нет больше патронов. Что делать? И юный сокол решил идти на таран. Взгляните на марку, и вы увидите первый в истории авиации ночной таран. На страшной скорости «ястребок» Талалихина сближается с вражеским бомбардировщиком и лопастями винта обрубаёт ему хвост. Гитлеровский бомбовоз рухнул вниз. Повреждён был и наш «ястребок», но Виктор, воспользовавшись парашютом, благополучно приземлился на родной подмосковной земле. Видите, как много может рассказать и напомнить маленькая почтовая марка.

Рядовому Александру Матросову советская почта посвятила две марки. Одна вышла ещё в трудную пору войны, другая — в 1963 году. На обоих почтовых знаках художники изобразили один и тот же эпизод. Молодой боец показан за несколько мгновений до своей героической смерти, когда он готовился

телом своим закрыть амбразуру фашистского дзота.

На марке 1963 года сверху помещена надпись: «Зачислен навечно в списки части». Полк, в рядах которого сражался Александр Матросов, существует и поныне.

Нет Саши Матросова, но вместе с тем он навечно остался в родной части. Два раза в день на поверках 1-й роты гвардейского полка назы-

вают имя гвардии рядового Александра Матросова. И боец, стоящий на правом фланге, отвечает:

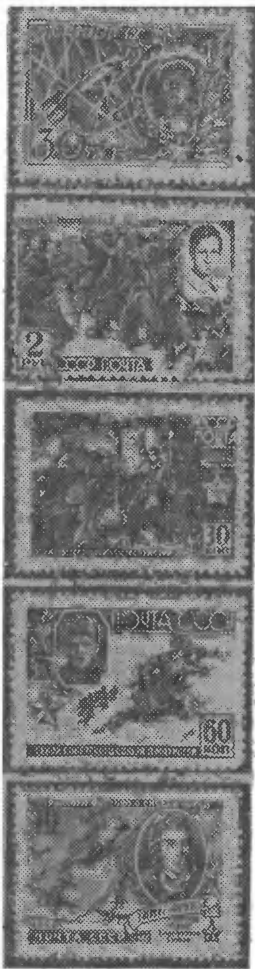
— Герой Советского Союза, гвардии рядовой Александр Матросов пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины.

Вот почему на марке чётко выделяется надпись: «Зачислен навечно в списки части».

Такие же памятные почтовые знаки выпущены в честь гвардии рядового Юрия Смирнова, Тимура Фрунзе, Ивана Сивко и других воинов Советских Вооружённых Сил.

Юрию Смирнову было всего девятнадцать лет. В тот памятный день вместе с другими десантниками - автоматчиками он находился на броне танка. Была прорвана сильно укреплённая оборона фашистов. Наши танки через образовавшуюся брешь на быстром ходу углублялись в фашистский

тыл. Шальная пуля тяжело ранила Юрия, и он упал с танка. Когда рассвело, немцы обнаружили раненого. Они поволокли его в штабной блиндаж. Во что бы то ни стало гитлеровцы хотели узнать, куда именно направлялся танковый десант. Но комсомолец Смирнов мол-

чал. Тогда варвары стали пытать его. Юрий не проронил ни единого слова. Вскоре враги бежали, и наши бойцы, обходя занятые окопы, зашли в блиндаж. Они ужаснулись, увидев распятого на стене советского солдата, изуродованного до неузнаваемости. И только лежавший на столе залитый кровью комсомольский билет помог установить имя и фамилию замученного.

Тимур Фрунзе был сыном легендарного пролетарского полководца Михаила Васильевича Фрунзе. Сразу же по окончании авиационного училища Тимура послали на Северо-Западный фронт. Войска на этом фронте защищали дальние подступы к городу Ленина. Однажды вместе со своим командиром Шutowым Тимур патрулировал в небе, охраняя от вражеских налетов подходы к своему аэродрому. Стоял необыкновенно морозный и ясный день. Такой лётной погодой решили воспользоваться фашистские пираты. Тридцать бомбардировщиков под защитой истребителей шли в нашу сторону. И тут произошло необыкновенное. Шutow и Фрунзе не испугались чёрной стаи. Они дерзко врезались в эту огромную, шедшую как на параде,

армаду. Три бомбовоза были сбиты в первые же минуты боя. Но был повреждён и самолет Шutowа. Тимур, чтобы спасти командира, отвлек внимание фашистских истребителей на себя.

Юный Фрунзе видел, что Шutow ушёл от преследования и, ободрённый, продолжал вести неравный бой. В этой схватке и оборвалась прекрасная жизнь Тимура, крылатого воина, защищавшего Ленинград.

Каждая марка, посвящённая героям Великой Отечественной войны, — это своеобразный рассказ о подвиге, который вечно будет жить в памяти народной. Таких марок немало. В своё время вышли почтовые знаки, увековечившие героизм юных патриотов Краснодона, подпольщиков-молдогвардейцев. В серию, посвящённую Литовской ССР, включена также марка с портретом отважной комсомолки - партизанки Марии Мельникайте. Есть марка, выпущенная в честь храбрейшего лётчика, дважды Героя Советского Союза Бориса Сафонова. «Ястребок» Сафонова, который изображён на марке, можно увидеть теперь

в Центральном Военно-Морском музее в Ленинграде. Сафонов был морским лётчиком.

Собрать все марки, отобразившие Великую Отечественную войну, по-настоящему похвальное дело. Сюда можно включить не только знаки с портретами отважных, но и марки с изображением орденов, которыми они награждались, знака «гвардия», городов-героев. В кол-

лекцию следует включить и конверт с портретом пионера Героя Советского Союза Вали Котика, юного смельчака, подвиги которого увековечены в песнях, в литературе. Такая коллекция сделает честь любому настойчивому собирателю.

Э. МИРОНОВ

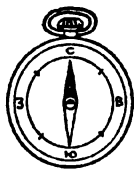
Где тимуровцы?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Шагают поленья, не сбились с пути!..
Тимуровцев — девять. Попробуй найти!

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

Весна в разгаре, лето на пороге — пора братья за удочки.

О рыболовах, которые домой без улова не возвращаются, многие говорят, что им просто везёт. Другие считают, что хорошим рыболовам известны какие-то особые секреты, тайны. И напрасно так счита-

РЫБОЛОВЫ, ВНИМАНИЕ!

ют: ничего таинственного тут нет. Просто тот, кто по-настоящему увлекается рыбной ловлей, умеет и наблюдать за природой, за жизнью водоёмов. Ведь многие явления в жизни рыб совпадают с определёнными явлениями в природе. Зная это, нетрудно рассчитать, когда рыба лучше клюёт.

Вот, например, клёв леща начинается через 10—14 дней после его нереста. А нерестится он, когда температура воды достигает 13—15 градусов. Значит, лезть в речку с термометром? Необязательно. Такая температура воды обычно совпадает с цветением черёмухи. Наблюдайте за черёмухой!

Щука начинает клевать в реках тоже с первыми белыми кистями лесной красавицы. Правда, озёрные щуки отстают на 5—7 дней, а клёв щук в ещё больших водоёмах опаздывает и на 10—15 дней. С цветением черёмухи совпадает и нерест плотвы.

Нерест окуня бывает раньше, с первыми листочками на берёзе, и длится 10—20 дней. А уклейка «выбрала» себе сирень. Зацветёт сирень — лови уклею. Нерест линя проходит, когда колосится рожь.

Караси начинают клевать, едва зацветёт шиповник. А самая лучшая пора лова язя, когда цветёт калина.

Будете ловить рыбу — наблюдайте за природой. Может быть, и вам удастся пополнить эту копилку рыбацкого опыта.

ПРИРОДНЫЙ ХОЛОДИЛЬНИК

В трёх километрах от Железноводска есть гора Развалка. Здесь даже в сильную жару человек находит желаемую прохладу. От земли несёт холодом, в расщелинах скал серебрится иней, пустоты украшены ледяными сталакти-тами.

Учёные объясняют тайну горы так. Углекислый газ, которым исключительно богаты недра, в значительном количестве скопился под горой Развалкой. Находясь под большим давлением в сжатом состоянии, он стремится вырваться наружу через трещины скальных пород. Быстро расширяясь, газ теряет температуру и охлаждает окружающую среду.

На этом принципе устроены многие промышленные холодильные аппараты. Видимо, и Развалка — такой же природный холодильник.

КТО ЖЕ КОЛУМБ?

Хотя существует распространённое мнение, что Колумб родился в Генуе, среди учёных до сих пор идут споры о его происхождении.

Известный венгерский историк-писатель Тивадар Ач проанализировал около 360 малоизвестных венецианских документов, в основном отражающих меры венецианского сената против пиратов, находившихся на службе у Франции. Из этих документов следует, что Колумб не был ни генуэзцем, ни испанцем. Оказалось, что он происходит из каталонской семьи, перебравшейся с острова Мальорка (Балеарские острова) в Нормандию, и родился, очевидно, в нормандском городе Онфлер. Имя его отца Хорхе Греко. Имя Колумба напоминает о той земле, откуда прибыла его семья, — о Порто-Колombo.

...свыше 150 тысяч рек несёт свои воды на территории Советского Союза? Ежегодно по всем рекам страны стекает в моря и океаны 4,5 триллиона кубических метров воды.

★

...в кухне зоопарка ежедневно готовится более шестидесяти блюд? Такому меню может позавидовать любой первоклассный ресторан. Однако во вкусах животных есть немало непонятных странностей. Находясь в неволе, некоторые из них начинают охотиться за совершенно несъедобными предметами. Из желудка павшего в Базельском зоопарке морского льва, например, было извлечено 236 камней размером до грецкого ореха. Павший в нашем зоопарке маньчжурский журавль проглотил 27 монет, а африканский слон Бабо съел три ватника, два халата, новое демисезонное пальто своего служителя, кожаные перчатки, две фетровые шляпы и несколько ученических фуражек. Но больше всех, пожалуй, отличился морской слон Берлинского зоопарка, из желудка которого была извлечена неразорвавшаяся ручная граната.

Знаешь ли ты, что?

★

...в водоёмах Дальнего Востока ещё в третичном периоде обитала рыба змееголов? С древних времён эта рыба унаследовала ряд удивительных особенностей. Она может дышать жабрами в воде и особыми органами на суше. Змееголов перед икрометанием заботливо строит гнездо. Это плавающее сооружение из травы и тростника достигает метра в диаметре. Необыкновенна и икра. Отдельные икринки достигают в поперечнике двух сантиметров. Змееголовую рыбу называли потому, что она очень похожа на змею. Отдельные экземпляры имеют длину больше метра и весят более 10 килограммов. Ближайшие «родичи» змееголова сейчас встречаются только в тропических реках и озёрах.

★

...помимо знаменитых «Царь-колокола» и «Царь-пушки», имеется еще и «Царь-фонарь»? Так называют жители древнего города Суздаля (Владимирской области) огромный фонарь, который хранится в старинном Рождественском соборе. Высота фонаря — 2 метра 37 сантиметров.

★

...«библиотекой библиотек» называют Псковское древлехранилище? В старинных подвалах «Поганкиных палат» собраны редчайшие старопечатные книги, рукописи, документы IX—XX веков. Среди них: собственноручная грамота Ивана Грозного, письма Петра I из семейного архива Ганнибалов, книги, принадлежавшие декабристу Назимову, переписанная от руки в 1830 году комедия Грибоедова «Горе от ума», запрещённая в то время царской цензурой... По этим материалам можно воссоздать картину культурной жизни Руси за большой исторический период.

★

...в селекционном саду Сочинской опытной станции растёт удивительное «дерево дружбы»? На его ветвях рядом с плодами-гигантами помпельмусами висят малютки-кинканы размером с вишню, мандарины, грейпфруты, апельсины, лимоны. 45 различных сортов и видов цитрусовых из ста с лишним стран мира уживаются здесь. В «зелёные автографы» друзей превратились ветви этого уникального дерева.

Выдержки из бортового журнала шхуны «Находка»

22 мая. Записала Валя.

Крепко стерегли свою тайну тринадцать камней!.. Не так-то просто было найти место, с которого из двадцати шести менгиров было бы видно только тринадцать, но мы его всё-таки нашли.

На север простиралось постепенно повышавшееся плоскогорье, переходившее на горизонте в цепь скалистых хребтов. Горы как горы — ничего особенного...

Но в бинокль мы увидели на откосе крутого обрыва чёрные пятна — входы в пещеру...

В ПЕЩЕРЕ был полумрак. Привыкнув к нему, мы осмотрелись. Рассматривать, собственно, здесь было нечего, если не считать какого-то немислимого чудовища из камня и бронзы, напоминавшего не то птицу, не то человека. В руках у него был огромный лук с оборванной тетивой. Многочисленные ниши в стенах, где когда-то, видимо, стояли изображения каких-нибудь божеств, были пусты.

— Здесь уже до нас побывали, — сказал капитан. — Пещера-то разграблена...

Наше внимание привлекли вырубленные на стене изображения.

Мы долго рассматривали их, стараясь понять, к чему они здесь, а капитан вдруг сказал:

— Друзья, вы замечали, что согласные буквы точнее характеризуют слово, чем гласные?.. — И написал несколько слов, состоявших из гласных и согласных по-ровну, в два столбца. В одном он написал только гласные, заменив согласные чёрточками, в другом — наоборот:

— О — О — А	Д — Р — Г —
— А — И — А	М — Л — Н —
— О — О — О	З — Л — Т —
— И — А — А	Г — Т — Р —
— А — Е — А	Г — Л — Р —

Отдел ведёт В. Акентьев

В первом столбике ничего нельзя было понять, во втором же мы узнали каждое слово.

— Люди давно заметили это, и некоторые народы в древней своей письменности гласные звуки не изображали вовсе, обходясь одними согласными. Букв у них тогда ещё не было — письмо было рисуночное... Это было удивительное письмо! Если бы мы с вами стали ему подражать, то слово «урок», к примеру, изобразили бы, нарисовав «рана» или, скажем, «руку», а рисунки «рыбы» и «льва» могли бы означать «рыболов»....

 = ...р...х... = рука?... река?... рак?...
урок?... арих?..

— Но как читали такое письмо? — удивились мы. — Ведь это же сплошные ребусы!

— Вроде... Но пишущий старался помочь тому, кто будет читать его письмо, — он ставил рядом с рисунками особые значки-подсказки. Так, нарисовав рядом с изображением руки, скажем, книгу, мы этим как бы поясняли, что читать нужно не «рука» или «рак», а — «урок».

Всё это было очень интересно, но мы не сразу поняли, к чему капитан говорит нам об этом сейчас.

— Вот я и думаю — что, если изображения на стене представляют собою рисуночное письмо?.. И, может быть, нам удастся его прочесть?

Это была мысль!..

— А где же здесь эти самые... рисунки-подсказки? — спросил Костя.

— В данном случае их может и не быть... А разве этот грозный идол сам по себе не подсказка? — Капитан посмотрел на чудовище, державшее в вытянутой руке лук.

Мы принялись за работу. Из первого слова взяли только Х, из второго—Р и М, из третьего — С, Т, Р и Л, из четвёртого — К.

ХРМСТРЛК

Вот что у нас получилось. Оставалось расставить гласные.

Но мы не успели это сделать, — Миша закричал:

— Смотрите, куда это он целится?..

В дальнем углу пещеры, в глубине каменной ниши, была узкая дверь, которую мы сразу не заметили.

— Вот оно что!.. Дело становится интересным...

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! Может быть, вам удастся сделать то, чего не успели сделать наши герои, — вставить гласные буквы и прочесть надпись на стене пещеры?

А что было за дверью, как вы думаете? Пофантазируйте и напишите нам.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 4)

КРОССВОРД «ЧЕТЫРЕ БУКВЫ»

1. Град. 2. Балл. 3. Рубо. 4. Люкс.
5. Плот. 6. Банк. 7. Кама. 8. Шлюп.
9. Крит. 10. Меню. 11. Трал. 12.
Шило. 13. Река. 14. Уток. 15. Флаг.
16. Фрак.

РЕБУС-ШУТКА

На рисунке — 40 А (сорока).

ЧАЙНВОРД «БУКВА К»

1. Каток. 2. «Колобок». 3. Кушак.
4. Крючок. 5. Кишлак. 6. Кавардак.
7. Коробок. 8. Кок.

«МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ»

Овёс, волк, ёлка, сказ.

СОСЧИТАЙТЕ...

48 треугольников, 8 равнобедренных и 16 неравнобедренных трапеций, 15 квадратов.

3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11

10	3	8
5	7	9
6	11	4

Решение смотрите на рисунке.

ЛОГОГРИФ

Дым — дом — лом — лог — лаг — шаг — шар — пар (возможны другие решения).

СОСТАВЬТЕ САМИ

Мы получили от наших читателей несколько вариантов решения задачи «Составьте сами», помещённой в 4-м номере «Искорки», но не считаем их особенно удачными и продлеваем этот маленький конкурс. Ждём от вас удачных решений.

СОДЕРЖАНИЕ

Сапёр. Стихотворение Виталика Антипина	1
Хозяин танка. Очерк В. Бузинова	2
Перед боем; В заводском цехе; На пути к победе; Я память листаю. Стихи Н. Новосёлова	9
Братья. Глава из повести Н. Морозова	13
Творчество юных. Стихи юных поэтов литобъединения «Гренада»	22
Наш дядя Миша. Рассказ Е. Родионова	24
По приказу капитана Орехова. Очерк Б. Курковой	28
Подвиг рядового. Стихотворение Д. Минина	36
Внучек Ковпака. Очерк Эд. Аренина	37
Мы — советские люди. Текст к фотоснимкам на 2-й и 3-й страницах обложки	41
Баллада об огне. Стихотворение М. Сазонова	43
Планета новогодних ёлок. Продолжение повести Джанни Родари	46
Калачи. Стихотворение Р. Красильщиковой	55
Бессмертные имена. Статья Э. Миронова	56
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника В. Травина «Салют Победы».

На 2-й и 3-й страницах обложки фотохроника Великой Отечественной войны «Мы — советские люди».

На 4-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Воин-освободитель».

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115
Телефон: А 2-87-55

Сдано в набор 12/IV 1965 г. Подписано к печати 24/V 1965 г. 4 печ. л.
М-31200. Заказ № 607. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Цена 10 коп.

— Не грусти, малыш!
Конец войне!
Снова солнцу радуются
дети.

Мир в моей
и мир в твоей стране.
За него мы все теперь
в ответе.